

*Протоиерей Михаил ВОРОБЬЕВ,
член Епархиальной комиссии по канонизации
подвижников благочестия Саратовской епархии,
МАНСВЕТОВА Е.Г.,
кандидат физико-математических наук,
старший научный сотрудник ИРЭ РАН (г. Фрязино)*

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПОПОВИЧА. МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ Ф. С. МАНСВЕТОВА

Первая волна русской эмиграции выбросила за пределы Отечества миллионы людей всех общественных групп и сословий. На разных континентах, в самых непривычных природных и социальных ландшафтах оказались представители аристократии, интеллигенции, буржуазии, духовенства, простые крестьяне, старообрядцы, сектанты разных толков — от духоборов до толстовцев. Однако ядро этой первой волны составили политики, функционеры различных партий, которым в стране победившего социализма не приходилось ждать ничего, кроме расстрела или бесконечных скитаний по лагерям и ссылкам. Большевики, как их вождь В.И. Ульянов-Ленин, не терпели никакой конкуренции. Поэтому уезжать навсегда из России приходилось и вчерашним союзникам и попутчикам: социал-демократам, трудовикам, эсерам. Политиками в начале XX века волей-неволей тоже становились люди самого разного социального происхождения. Наш рассказ об одном из видных деятелей политической эмиграции первой волны — эсере Федоре Мансветове, сыне сельского священника протоиерея Казанской церкви села Вязовка Вольского уезда Севериана Петровича Мансветова.

Семейные университеты

Протоиерей Севериан Петрович Мансветов происходил из старинного священнического рода. Самым старшим представителем этого рода, которого удалось отыскать, был

священник Аввакум, служивший в начале 1830-х годов в селе Салтыковка Сердобского уезда¹. Сестра Федора Вера Севериановна Мансветова в своих воспоминаниях приводит его фамилию — Качев. В это время он имел трех сыновей, обучавшихся в Петровском духовном училище и переведенных впоследствии в Саратовское духовное училище. Старший — Алексей, 1816 года рождения, второй — Петр, 1817 года рождения, третий — Александр, 1818 года рождения². В документе 1832 года все трое носят фамилию Мансветовы. Однако Вера Севериановна называет одного из братьев Небосклоновым, а другого Горизонтовым. Возможно, фамилии были переменены позже, во время обучения братьев в Саратовском духовном училище.

По окончании духовного училища Петр Аввакумович поступает в Саратовскую духовную семинарию. Возможно, там же будут обучаться его братья. В это время в семье происходят неблагоприятные перемены. Отец Аввакум за некое прегрешение отрешается от должности, из-за чего семейный бюджет резко оскудевает³.

Необходимость кормить отца, страдающую истерией мать, содержать братьев, продолжающих обучение, вынуждает Петра Мансветова покинуть семинарию. Вступив в брак, он получает диаконское место в селе Белый Ключ Хвалынского уезда. 2 августа 1852 года его жена матушка Серафима разрешается от бремени мальчиком, которому дают редкое имя Севериан.

В семье дьякона Петра было еще двое детей: дочь Мария, которая впоследствии жила в селе Разбойщина, и младший сын Владимир (1860 г. р.), окончивший только духовное училище и служивший псаломщиком в селе Барнуковка Вольского уезда.

¹ См.: ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 10025.

² См.: Там же.

³ См.: ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 862.

2 июня 1874 года двадцатидвухлетний Севериан Мансветов оканчивает курс в Саратовской духовной семинарии с аттестатом второго разряда. С февраля 1875 года по сентябрь 1876 года Севериан Петрович служит учителем в Рокотовке, пригородной деревне Саратова. Затем до июня 1877 года служит учителем в частном пансионе в немецкой колонии Екатериненштадт (ныне г. Маркс).

После женитьбы на Елене Васильевне Никольской Севериан Петрович 13 августа 1877 Преосвященным Тихоном (Покровским) был рукоположен в сан священника и направлен для служения в Казанскую церковь села Вязовка Вольского уезда.

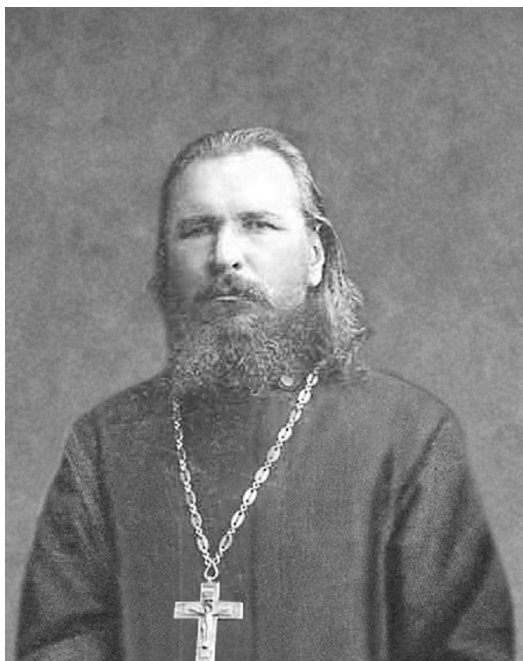
Теща С. П. Мансветова Анна Федоровна Раева-Никольская рано умерла от тифа, оставив сиротами пятерых сыновей и дочь Елену. Сыновья, обучавшиеся в Саратовской духовной семинарии, были слишком молоды для того, чтобы принять священный сан, поэтому после смерти священника Василия Никольского место было закреплено за единственной дочерью Еленой Васильевной, которая и вышла замуж за С. П. Мансветова.

Елена Васильевна росла сиротой. Ее учил в Саратове дядя Петр Федорович Раевский, у которого она и жила, исполняя обязанности прислуги. Елена Васильевна окончила Первое Саратовское женское епархиальное училище, после чего еще два года обучалась на двухгодичных педагогических курсах в городе Вольске. После этого она получила аттестат на право быть учительницей начальной школы и была на этой должности в родном селе на протяжении двадцати шести лет⁴.

Как отмечает В. С. Мансветова, на ее отца оказали большое влияние семьи его родственников, Чернышевских и Раевых. Своему отцу она дает лаконичную, но ясную и полную

---

⁴ См.: Мансветова В. С. Воспоминания. Машинопись. 1978 г. С. 26. Архив прот. М. Воробьева.

*Протоиерей Севериан
Петрович Мансветов. 1908 г.*

характеристику: «Человек он был крепкого здоровья, энергичный, инициативный, работоспособный»⁵.

Село Вязовка на рубеже XIX и XX столетий было самым передовым среди сел Вольского уезда в деле народного просвещения. Во многом это было обусловлено строительством новых школьных зданий и тщательным подбором преподавателей. Это и стало главным результатом жизни протоиерея Севериана Мансветова.

В семье протоиерея Севериана Петровича Мансветова было девять человек детей: Александр (1878 г.р.), Петр (1880 г.р.), Алексей (1884 г.р.), Федор (1887 г.р.), Надежда (1889 г.р.), Анна (1891 г.р.), Николай (1894 г.р.), София (1896 г.р.) и Вера (1899 г.р.). Еще два ребенка умерли в младенческом возрасте.

Федор Мансветов, родившийся 22 мая 1887 года⁶, был четвертым ребенком в семье. Восприемниками при крещении, совершенном в Казанской церкви села Вязовка его родным отцом протоиереем Северианом Мансветовым, были тайный советник Александр Федорович Раев и девица Анастасия Михайловна Лохова. Как и подобало попovichу, начальное образование Федор получил в Вольском

⁵ Мансветова В.С. Воспоминания.

⁶ См.: Центральный Исторический архив г. Москвы (далее ЦИАМ). Ф. 417. Оп. 18. Ед. хр. 776. В анкете, составленной собственноручно Федором Мансветовым, так же как и в выписке из метрической книги Казанской церкви с. Вязовка, дата рождения указана как 22 мая 1887 г. Однако в удостоверении, выданном канцелярией Московского Коммерческого института, дата рождения Федора Мансветова – 22 июля 1887 г.

Школа в с. Вязовка Вольского района, построенная протоиереем Северианом Мансветовым

духовном училище, которое окончил по первому разряду в 1902 году⁷. Поприще приходского священника пятнадцатилетнему подростку представляется непривлекательным. В отличие от старших братьев, обучавшихся в Саратовской духовной семинарии, отец отдает его в Вольское реальное училище. Внушительный облик вязовского поповича рисует в своих воспоминаниях его одноклассник Михаил Шмуккер: «На силомере, появившемся в гимнастическом зале, я, пятнадцатилетний мальчишка, вытянул 15 пудов (245,7 кг). Столько же выжал и другой ученик пятого класса Федор Мансветов из села Вязовка Вольского уезда. Он поступил в пятый класс. Великан ростом, он всегда нагибался перед учителями, выше которых был на голову»⁸. Высокий рост

⁷ См.: Саратовские епархиальные ведомости. 1902. № 14. С. 392.

⁸ Шмуккер М.М. Семейная хроника. Воспоминания. Машинопись. Б. г. С. 81. Фонды Вольского краеведческого музея.

и физическая сила Федора Мансветова найдут отражение в документах охранного отделения, в которых он будет проходить под кличкой «Великан».

Обучение в Вольске в значительной степени повлияло на мировоззрение Федора. Здесь он впервые столкнулся с представителями революционно настроенной молодежи и приобрел навыки подпольной работы.

В годы первой русской революции учащиеся главных учебных заведений Вольска: учительской семинарии, женской гимназии, реального училища — находились в гуще политики. Свободными от революционных настроений оставались только кадетский корпус и духовное училище.

Увлечение политикой подростков, происходивших главным образом из купеческих и мещанских семей, начиналось под влиянием педагогов, не всегда отличавшихся благонадежностью. Так, например, в женской гимназии конспиративный кружок был организован учителем математики Сергеем Ивановичем Бондаревым, носившим странное прозвище «Корень из одиннадцати» и ставшим впоследствии депутатом Первой Государственной Думы от Саратовской губернии (фракция трудовиков). О деятельности этого кружка ярко и интересно рассказывает писатель А. С. Яковлев в автобиографической повести «Ступени».

Дочь преподавателя Вольского кадетского корпуса Евгения Николаевна Аткарская-Соллогуб вспоминает о доставлявшихся из Саратова номерах «Правды» и «Искры», в распространении которых самое активное участие принимала дочь вольского уездного полицмейстера Василия Михайловича Гусева: «Мне лично приходилось приходиться за этой литературой к медицинской сестре З. В. Гусевой в дни ее суточного дежурства в городской больнице... З. В. Гусева была дочерью вольского полицмейстера и, таким образом, была вне подозрений полиции. Полученную литературу мы

обычно прятали в чулки за резинку, благо резинки тогда были круглые...»⁹. Известно, что в соседнем с Соллогубами доме, на месте которого в конце 1980-х годов было построено здание музыкального училища, находилась подпольная типография.

Огромное количество революционной литературы привозили в Вольск студенты московских и петербургских вузов, приезжавшие в родной город на каникулы. Среди них особенно отличались Леонид Лукьянов, Николай Разумов и приемный сын известного вольского врача М. И. Шмуккера Всеволод Юрганов.

В корпорацию преподавателей Вольской учительской семинарии входили социал-демократ А. М. Пинкевич и эсер Н. П. Кулаков. Революционный дух в учительской семинарии ощущался как ни в каком другом учебном заведении Вольска. Учащиеся демонстративно отказывались посещать богослужения в домовый церкви, так что законоучитель священник Александр Попов иногда совершал Литургию в полном одиночестве.

Будущие учителя начальной школы, обучавшиеся в Вольской семинарии, были практически профессиональными пропагандистами. Хорошо знавший дело М. М. Шмуккер, товарищ Ф. Мансветова по реальному училищу, вспоминает: «Разъехавшиеся домой по деревням ученики семинарии весной 1905 г. повезли с собой брошюры, листовки и революционные воззвания. Это были: Петр Татаринцев, Павел Некторов, Трофим и Василий Колотухины, Петр Логачев, Петр Садовов... и многие другие. Из городских семинаристов брошюры и листовки забирала Алексей Колоярцев, Георгий Лошкарев и другие. Благодаря семинаристам, брошюры и листовки попадали во все крупные села (Черкасское, Колояр, Царевщину, Сосновку, Лопуховку,

---

⁹ Из семейной хроники. Воспоминания Евгении Николаевны Аткарской. Машинопись. 1978 г. С. 3. Фонды Вольского краеведческого музея.

Воскресенское, Балтай) и даже в соседние уезды Саратовской губернии и села Самарской губернии»¹⁰.

Февральскую революцию и свержение царя учащиеся встретили полным восторгом. Едва сдерживаемая радость дышала и в сердцах большинства преподавателей, украсивших свои сюртуки красными бантами. Директор учительской семинарии В. М. Гавриловский явился на чтение Манифеста об отречении императора в парадном мундире при всех орденах, предложив всем помолиться о государе¹¹.

В Вольской учительской семинарии обучался Федор Панферов, в будущем чекист и видный функционер советской литературы. Среди его деяний, особенно запомнившихся жителям Вольска, — попытка ограбления Владимирского женского монастыря летом 1917 года, закончившаяся, впрочем, полной неудачей¹².

Не менее активными в отношении революционной деятельности были учащиеся Вольского реального училища, где конспиративный кружок возглавлял учитель П. А. Аникин. В реальном обучались, например, В. В. Старков — один из организаторов «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» и товарищ Ленина по сибирской ссылке, и ученый-биолог Б. П. Токин, возглавивший в начале 1918 года в Вольске Комиссию по отделению Церкви от государства¹³.

Мелкие хулиганства вольской революционной молодежи, в которых Федору Мансветову принадлежала далеко не последняя роль, вылились в страшное побоище во время Манифестации 20 октября 1905 года. Приведем описание этих событий, сделанное дочерью преподавателя Вольско-

¹⁰ Шмуккер М. М. Семейная хроника. Воспоминания.

¹¹ См.: Вольский филиал ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 257. Л. 81.

¹² См.: Известия Вольского Совета Депутатов. № 97. Вольский филиал ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 260. Л. 121.

¹³ См.: Вольский филиал ГАСО. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 85. Л. 1.

го кадетского корпуса Н. М. Соллогуба Е. Н. Аткарской-Соллогуб.

«Вспоминается демонстрация учащихся Вольска теплой осенью 1905 г. К зданию Женской гимназии подошла толпа участников демонстрации. Начальница гимназии Власенко А. И., распорядившаяся запереть калитку, поняв бесполезность этого, распорядилась открыть и калитку, и ворота. Демонстранты поднялись на второй этаж в актовый зал. После короткого митинга все ученицы влились в поток демонстрантов и пошли по Московской улице с красным флагом. По пути в колонны демонстрантов вливались рабочие маслозавода Малиничева и другие. Подойдя к Соборной площади у берега Волги, мы увидели ряд дворников в одинаковых светлых фартуках со свежестроганными дубинками в руках. Среди этих блюстителей порядка было и много переодетых полицейских.

Кто-то из взрослых, кажется С. И. Бондарев, скомандовал: «Не стрелять». Толпа остановилась. Скоро началось избивание демонстрантов. Побежали назад, скрываясь в домах. Группа человек в 13–15 забежала в дом врача Богданова... В квартире Богданова было приготовлено убежище в подвале, вход в который был закрыт коврами на полу спальни.

Студент же Яблочников с товарищем укрылись здесь же в доме на Соборной площади на сеновале. Яблочников был найден и убит здесь же во дворе. Получившие побои шли на Глебовскую улицу в городскую больницу за врачебной помощью. Наш уважаемый учитель С. И. Бондарев еще несколько дней приходил на уроки со следами ударов на лице, синяки постепенно сходили»¹⁴.

Необходимо заметить, что трагический исход Вольской манифестации был простым следствием безответственности педагогов и слабости и малодушия местной власти. Шествие

---

¹⁴ Из семейной хроники. Воспоминания Евгении Николаевны Аткарской. С. 2–3.

было вызвано воодушевлением от Императорского Манифеста от 17 октября 1905 года о даровании гражданских свобод. Секретная телеграмма о Манифесте сделалась достоянием гласности благодаря почтовому чиновнику Александру Яковлеву, в будущем писателю, автору романа «Человек и пустыня» о жизни Вольска в предреволюционные и революционные годы. Как вспоминает М. М. Шмуккер: «Интеллигенция узнала о Манифесте от 17 октября 1905 г. только в среду 19-го октября во время занятий в учебных заведениях. Наиболее сознательные учителя и учащиеся были приглашены к 7 часам вечера 19 октября в помещение казенного общежития семинарии на секретное совещание... Душевный подъем собравшихся был настолько велик, что один только призыв учителей С. И. Бондарева, Н. Х. Снегового и др. ознаменовать полученные свободы и конституцию манифестацией по городу был тут же всеми подхвачен, и все собравшиеся вышли на Садовую улицу...»¹⁵. Пропев «Марсельезу» перед зданием Полицейского управления на Московской улице и повторив это исполнение у Городской управы, толпа двинулась к Покровской площади, на углу которой стоял дом жандармского полковника Козлова. Далее произошло то, без чего не обходится ни одна российская демонстрация, даже движимая самыми высокими патриотическими чувствами: «Какой-то хулиган выбил снятой с ноги калошей стекло в окне квартиры, чем дал повод к озлоблению со стороны правых граждан города, среди которых ночью произошло свое совещание, как реагировать на выступление молодежи»¹⁶.

В организации случившегося на следующий день побоища М. М. Шмуккер обвиняет представителей вольского купечества А. П. Малиничева и А. Я. Соловьева, вступивших в сговор с полицмейстером Д. И. Ждан-Пушкиным, который

¹⁵ Из семейной хроники. Воспоминания Е. Н. Аткарской. С. 94–95.

¹⁶ Там же.

поручил «старшему своему сыну, студенту-медику, взять на себя при помощи приданных ему переодетых городских задачу разгона демонстрации и вести антиреволюционную пропаганду против крамольников, которые “не признают Бога и хотят свергнуть царя-батюшку”»¹⁷.

Как отмечает Шмуккер, лозунги с призывом к свержению самодержавия действительно звучали. И листовки соответствующего содержания разбрасывались. В то же время Манифестация носила ярко выраженный патриотический характер: «Учащиеся трех учебных заведений с многими сотнями примкнувших граждан с развернутыми красными флагами двинулись к центру. На Московской улице многие встретившиеся друг с другом граждане останавливались, поздравляли друг друга с великим праздником. Многие крестились.

— Радость-то какая! Сподобил Господь! Теперь жизнь пойдет светлая, счастливая! Господи!!

Снимали головные уборы, лобызались, как в дни Пасхи, и крестились...»¹⁸.

Беспорядки, завершившиеся кровопролитием, долго будоражили город. 28 октября родители избитых манифестантов отправили телеграмму премьер-министру графу С. Ю. Витте: «...20 октября вольская полиция с помощью босяков и подговоренных разного рода темных личностей учинила избиение на улицах города наших детей, учащихся разных учебных заведений, и граждан. Один студент Яблочников убит, многие избиты до полусмерти. Покорно просим Ваше Сиятельство назначить самое строгое следствие и предать виновных в избиении совместно с полицией суду». Среди подписавших телеграмму значится имя протоиерея Севериана Мансветова, вступившегося за своего сына¹⁹.

¹⁷ Там же. С. 96.

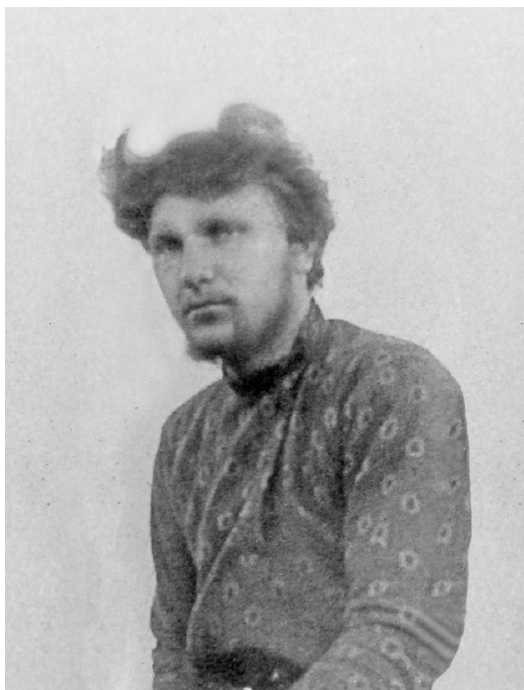
¹⁸ Там же. С. 97.

¹⁹ См.: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233. 106 ч. 20. Л. 133–134.

Провокационными действиями полиции было возмущено и местное самоуправление. 27 октября в адрес Витте полетела телеграмма за подписью исполняющего должность городского головы И. А. Рейхардта: «20 октября на улицах Вольска подверглись избиению толпой учащиеся реального училища, женской гимназии, другие лица. В экстренном заседании Городской думы, бывшем сегодня с участием всех ведомств и сословий общества, единогласно постановлено просить Ваше Сиятельство оказать свое содействие. Чтобы состоящие на государственной службе должностные лица, если будет установлено, что они при исполнении своих служебных обязанностей при избиении учащихся совершили преступления, были привлечены к судебной ответственности. Так как на заседании некоторыми лицами было заявлено о бездействии и даже участии полиции в избиении. Вместе с тем постановлено также единогласно просить Ваше Сиятельство приказать немедленно прислать в Вольск роту войска в распоряжении воинского начальника...»²⁰.

Свой отчет представило и Полицейское управление, постаравшись, как обычно, сгустить краски. 31 октября жандармский подполковник Н. Н. Козлов телеграфировал начальнику корпуса жандармов: «...бастующие реалисты, собравшись в доме врача Шмуккера на Знаменской улице, направились толпой к Женской гимназии, по дороге к ним примкнули ученики семинарии, учителя, учительницы, чиновники и другие лица, причем акцизные чиновники Александров, Ситников и жена священника Тихомирова, подойдя к толпе, раздали красные флаги... Идя по главной улице, демонстранты пели революционные песни, свистели и кричали "Долой цар!", "Долой самодержавие!". Когда демонстранты подошли к Соборной площади, народ услышал крики и... моментально бросился на демонстрантов и принялся их избивать. Избитых много, но серьезно пострада-

²⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233. 106 ч. 20. Л. 129.

Федор Мансветов. 1908 г.

ли только 15 человек, из коих один, а именно студент Петербургского Технологического института Яблочников, вскоре умер. Точных цифр и сведений об избитых доставить не представляется возможным, так как избитых скрывают, и даже городская больница относительно избитых лиц, находящихся там на лечении, сведений не дает...»²¹.

Протесты городской общест-
венности и Городской думы
не остались неслышанными.
Дионисий Иванович Ждан-

Пушкин был снят с должности полицмейстера. На его место был назначен Владимир Васильевич Прушков.

В 1907 году Федор Мансветов оканчивает последний дополнительный класс Вольского реального училища и поступает вольнослушателем на юридический факультет Казанского университета²².

В это время он уже целиком погружен в политику, вступает в партию эсеров, занимается пропагандистской деятельностью среди крестьян Вязовки, где он находился до отъезда в Казань. Агентурное донесение за октябрь 1908 года сообщает следующее: «В делах Вольской группы социалистов-революционеров принимают наибольшее участие Иван Федорович Нестеров, окончивший реальное училище, Михаил Михайлович Шмуккер, проживающие

²¹ Там же. Л. 130.

²² См.: ЦИАМ. Ф. 417. Оп. 18. Ед. хр. 776. Автобиография Федора Мансветова. М.М. Шмуккер в воспоминаниях указывает, что Ф. Мансветов обучался, как и он сам, на историко-филологическом факультете.

в г. Вольске, и некто Бауэр, временно выбывший в село Балаково... Связи с вольской группой поддерживают проживающие в селе Сосновка Вольского уезда учитель церковно-приходской школы Немов и в селе Вязовка того же уезда сын священника студент Мансветов и учитель Тиванов, которые широко вели преступную пропаганду среди крестьян в 1907 г. Среди крестьян названных сел есть и некоторые распропагандированные, но каких-либо прочных организаций в виде крестьянских братств не существует...»²³.

Работа Мансветова и Тиванова была достаточно эффективной. Менее чем через год, в мае 1909 года, агент охраны докладывает: «В селе Вязовка Вольского уезда есть крестьянское братство. Члены его старые партийные работники 1905 г.: Балаев, молоканин, столяр, 40 лет, Михаил, Николай, Григорий Гришанины и Балаев, торговец лавки. Крестьянское братство ранее через учителей Мансветова и Тиванова поддерживало связи с гг. Вольском и Саратовом, в настоящее время связи не имеют, но стараются завести. Братчики через учителя Тиванова получают Петербургскую газету. Тиванов же ими и руководит. У членов братства есть старая нелегальная брошюрная литература, которую они читают, устраивая собрания в доме столяра Балаева...»²⁴.

Казанский университет

О жизни Федора Мансветова в Казани мы узнаем из воспоминаний М. М. Шмуккера.

«Встретившись с Федором Мансветовым, поступившим на тот же историко-филологический факультет, мы договорились жить вместе и скоро нашли комнату в Кошачьем переулке № 5. Дом стоял в глубине небольшого садика из тополей. Комната была на втором этаже и выходила одним углом на восток в направлении расположения Кошачьего

²³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 238. 9 ч. 53 л. А. Л. 181–182.

²⁴ Там же. Л. 45.

переулка, а другим окном — на запад, на забор соседнего домовладения. Плата за комнату была для двоих 10 руб. с подачей два раза в день кипящего самовара»²⁵.

Друзья очень быстро нашли единомышленников и с головой ушли в конспиративную работу. При этом Шмуккер вошел в ячейку большевиков, Мансветов же оказался верным приверженцем социалистов-революционеров. Увлечение политикой шло вразрез с обучением в университете. Друзьям не удалось проучиться даже одного семестра. В ноябре 1907 года они были арестованы.

Обстоятельства ареста Федора Мансветова приводятся в донесении Департаменту полиции начальника Казанского управления полковника Калинина: «В начале ноября месяца... во вверенное мне Управление поступили агентурные сведения о том, что в Казань прибыл какой-то член Поволжского Областного Комитета партии Социалистов-революционеров, по партийной кличке “Карп”, для совершения по приговору партии террористического акта над Командующим войсками Казанского военного Округа Генерал-Лейтенантом Сандецким... и, наконец, что за окончательной санкцией вышеозначенного приговора партии недавно ездил в Поволжский Областной Комитет другой член этого Комитета, известный наблюдению вверенного мне Управления под кличкой наблюдения “Великан”...

За сим, 17-го ноября по указанию агентуры вверенного мне Управления, подвергнут задержанию и обыску Областник “Великан”, оказавшийся вольнослушателем Казанского Университета Федором Северьяновым Мансветовым, у которого, между прочим, обнаружено письмо из тюрьмы (просмотренное Прокурором Казанского Округного Суда) от известного Департаменту полиции Михаила Шмуккера, указывающее на его связь с Мансветовым и Неждановым (Граубергом).

²⁵ Шмуккер М.М. Семейная хроника. Воспоминания. С. 114–115.

Все поименованные лица... [названы 14 человек, включая Ф. С. Мансветова] заключены мною под стражу в порядке Охраны»²⁶.

Теперь Шмуккеру и Мансветову приходилось делить не уютную комнату с самоваром в Кошачьем переулке, а камеру в Казанской тюрьме.

«В конце декабря 1907 г., — вспоминает М. М. Шмуккер, первоначально сидевший в одиночной камере, — я был вызван в контору тюрьмы и мне было зачитано распоряжение о передаче моего дела из ведомства охраны в департамент полиции и заставили под распоряжением расписаться. Одновременно последовал перевод в общую № 9 камеру тюрьмы... Когда я вошел с вещами в камеру № 9, то увидел в ней около сорока человек. Камера была большая с общими нарами и полками над нарами. Ко мне бросился Ванин.

— Миша, и ты здесь, — воскликнул он, пожимая руку. — Смотри-ка, сколько знакомых...

Ванин не отходил от меня.

— Смотри-ка, здесь и Мансветов! Вон он лежит на нарах с книгой в руке, — показал он на Федора.

Осмотревшись, я увидел, что многих знаю. Здесь был и Аткарский (тоже поповский сын, в будущем муж Евгении Соллогуб.— *Авт.*), и Евгений Пославский, от которого вывез типографию, и многие другие, которых видел на тайных собраниях в университете.

Я подошел к Мансветову и, протягивая руку, повторил вопрос ко мне Ванина:

— И ты здесь?!

— Да! И все знакомые здесь! — ответил Федор.— Да и не только знакомые, а просто люди, студенты университета, показавшиеся охране или полиции чем-то подозрительными.

²⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 239. 9 ч. 53 л. А. Л. 45.

— А я думал, — говорю я, — что ты уехал домой, раз университет закрыт. А ты, оказывается, здесь?

— Я собирался воспользоваться свободным временем и сдать экзамен по латыни, да вот не вышло!»²⁷.

Камера Казанской тюрьмы, в которой встретились друзья и земляки, стала местом оживленных политических дискуссий. М. М. Шмуккер в документальной повести «Путем Октября» описывает их следующим образом:

«Один из заключенных эсер Мансветов — высокий здоровый мужчина, сидел в кругу молодых членов своей партии и несколько небрежным тоном, как бы вещая непреложные истины, говорил. Вокруг него сидела молодежь.

— Россия — страна Земледельческая! Она такой была и будет. Земледелие у населения — основное занятие. Оно предопределено необозримыми просторами нашей родины, годными под распашку и посев зерновых, и недостаточным количеством ископаемых, находящихся к тому же на далеком расстоянии друг от друга... Россия, как страна земледельческая, пойдет к социализму совсем особым путем — через общину, кооперативные товарищества по обработке земли... Что касается данных, взятых из книги Ильина (В. И. Ульянова) “Развитие капитализма в России”, то они не обладают сугубой достоверностью и поэтому не могут быть взяты за основу для решения вопроса о направлении экономического развития в сельском хозяйстве! — с апломбом проговорил Мансветов»²⁸.

Для Шмуккера тюремное заключение в Казани закончилось освобождением и возвращением в Вольск. За него ходатайствовал его дядя академик И. И. Янжул, к просьбе которого с пониманием отнесся директор Департамента полиции С. П. Белецкий.

²⁷ Шмуккер М.М. Семейная хроника. Воспоминания. С. 124–125.

²⁸ Шмуккер М.М. Путем Октября. Машинопись. Б. г. Вольская центральная библиотека. Отдел редких книг.

Федора Мансветова ожидала иная участь. 14 января 1908 года после рассмотрения дела Особым совещанием министр внутренних дел П. А. Столыпин подписывает постановление о его высылке на четыре года в Туруханский край.

Заступиться за него мог только отец. В архиве Департамента полиции хранится несколько прошений протоиерея Севериана Мансветова с просьбой отпустить сына за границу для лечения. Первое из них датировано 15 января 1908 года. Отец Севериан пишет:

«Его Высокопревосходительству, Господину Министру
Внутренних дел

Саратовской губернии Вольского уезда, села Вязовки
Священника Севериана Мансветова

Прошение

Сын мой Федор Мансветов, вольнослушатель Казанского Университета, был арестован 17 ноября 1907 года и содержался в порядке охраны в Казанской тюрьме, но с 31 декабря переведен в уездную Мамадышскую тюрьму. Насколько мне известно, его обвиняют по подозрению в принадлежности к одной из запрещенных партий. Но как сообщил мне сын, никаких данных к подобному обвинению не имеется, что он постарался доказать на бывших допросах; при бывших у него обысках ничего запрещенного не найдено. Дело сына моего в настоящее время передано в Особое совещание при Министерстве Внутренних дел.

Пребывание его в тюрьме в продолжение двух месяцев сильно отразилось на его здоровье, а тяжелые условия грозящей высылки вконец подорвут его силы. Поэтому имею честь почтительнейше просить Ваше Высокопревосходительство разрешить моему сыну для поправления своего здоровья, если он не может быть освобожден из-под стражи, отправиться за границу для соответствующего лечения. При сим имею честь доложить, что 15 сего января мною подано

прошение Его Превосходительству Господину Казанскому Губернатору о назначении комиссии из врачей для определения состояния здоровья сына моего, протокол которой будет представлен в установленном порядке.

1908 года января 15 дня.

Саратовской губернии, Вольского уезда, села Вязовки Священник Севериан Мансветов».

Резолюция министра внутренних дел была лаконичной: «Оставить без последствий, так как ходатайство сообщников Мансветова о разрешении выезда за границу Министром В. Д. отклонено»²⁹.

Столь же решительно были отклонены обращения Севериана Петровича Мансветова к товарищу министра внутренних дел Макарову, Казанскому губернатору М. В. Стрижевскому. Вязовского «Великана» ожидала Сибирь.

«Во глубине сибирских руд»

М. М. Шмуккер, счастливо избежавший сибирской ссылки, в документальной повести «Путем Октября» изображает своего друга Мансветова мужественным человеком, не переставшим бороться за справедливость и в положении ссыльного.

Тем не менее перед отправкой в Туруханск в красноярской тюрьме «Мансветов держал себя уже не непогрешимым апологетом народнических идей, привыкшим видеть вокруг себя покорных слушателей, жадно ловящих каждое его слово, а таким же человеком, как и все, с разбитыми надеждами на ближайшие годы, разобщенным с родными и обреченным на общую с ними судьбу»³⁰.

Из Красноярска Федор Мансветов был переведен на поселение за тысячу верст на север в село Мирное, где в январе 1912 года завершается срок его ссылки.

²⁹ ГАРФ. Ф. 102. Д. 5. Оп. 143. Д. 2604. Ч. 5.

³⁰ Шмуккер М.М. Путем Октября. С. 176.

Нелегкую жизнь ссыльного скрашивало знакомство с фельдшерницей Софьей Амвросьевной Трушковской, дочерью сосланного в 1879 году в Восточную Сибирь за революционную работу киевского рабочего Амвросия Мартыновича Трушковского³¹.

По данным охраны, будущий тесть Мансветова «проникнут воззрениями социал-революционеров, прикосновен к делу о покушении социалистов на ограбление Житомирской почты и денежного ящика Курского полка. Под его руководством составилась было особый железнодорожный кружок, который распространял преступные издания между мастеровыми и рабочими»³². 21 октября 1879 года Амвросий Трушковский по распоряжению Киевского, Подольского и Волынского генерал-губернатора «за намерение составить специальное революционное сообщество из рабочей среды» выслан из Киева в Восточную Сибирь. С 25 марта 1882 года проживал в городе Минусинске Енисейской губернии³³.

Отправляясь в ссылку, Трушковский пожелал взять с собой жену Дарью Федоровну с малолетним сыном Михаилом. Прошение об этом было подано в 1880 году во время пребывания А. М. Трушковского в мценской тюрьме³⁴, где родился второй ребенок — дочь Пелагия. Испытание Сибирью для семьи киевского революционера не оказалось непереносимым. Как отмечает в своих воспоминаниях его дочь: «Мой отец сделался механиком, столяром, скульптором, за-

---

³¹ См.: Деятели революционного движения в России: Библиографический словарь: От предшественников декабристов до падения царизма / Под ред. Вл. Виленского-Сибирякова, Ф. Кона, А.А. Шилова [и др.]; Всесоюзное общество политических каторжан и ссыльно-поселенцев. М.: Всесоюз. о-во полит. каторжан и ссыльно-поселенцев, 1927–1934. Т. 2: Семидесятые годы. Вып. 4: С — Я / Сост. А.А. Шилов, М.Г. Карнаухова. 1932. Стб. 1393–2156.

³² ГАРФ. Ф. 109. Оп. 230. Ед. хр. 8593.

³³ См.: Там же.

³⁴ См.: Там же.

нимаясь отливкой статуэток и т. п. Благодаря его талантам, он скоро стал в этой глуши незаменимым человеком и имел работы больше, чем мог сделать. Жители города, крестьяне из области, номады — татары, сойоты и другие, — все были его клиентами, часто за многие сотни миль приезжавшие со своими работами или увозившие его из города. Сибиряки, как русские, так и инородцы, всегда легко и охотно передвигались, не смущаясь огромными расстояниями. Благодаря такому положению мы жили очень хорошо»³⁵.

9 сентября 1886 года заканчивался срок ссылки Трушковского. 25 мая он подал прошение на имя товарища министра внутренних дел, заведующего полицией о предоставлении материальной помощи для возвращения в Киев. «Обращаюсь к Вашему Превосходительству, — писал Трушковский, — с просьбой оказать мне и моему семейству содействие, по личному Вашему усмотрению, назначением денежного пособия на проезд до города Киева. Личных средств для этой цели я не имею. И будь холостым, я не стал бы беспокоить Ваше Превосходительство просьбой о материальной помощи. Но у меня слабая здоровьем жена и трое детей, из которых старшему восемь лет. Отправиться в Киев с семейством этапным порядком не считаю возможным. Моя жена и дети во время следования этапным порядком и пребывания в тюрьмах, да еще осенью и зимой, нисколько не гарантированы от тех болезней с печальным исходом, которые царят в тюрьмах и на этапах»³⁶.

Прошение о денежном вспомоществовании осталось без ответа. Подорвавший свое здоровье Трушковский не решился возвращаться без семьи и оставался в Сибири до самой своей смерти в 1896 году. На руках у его вдовы осталось пятеро детей³⁷.

³⁵ Трушковская С.А. Мой отец — Ленин. Машинопись. 1944 г. С. 3.

³⁶ ГАРФ. Ф. 102. 3-е дел-во. Оп. 92. 1894 г. Д. 22. Л. А. Ч. 89.

³⁷ См.: Трушковская С.А. Мой отец — Ленин. С. 3.

Следует заметить, что существует иная версия биографии Амвросия Мартыновича Трушковского. В политическом обзоре исполняющего должность начальника Томского жандармского управления за 1888 год говорится о выпускнице Томской женской гимназии некоей Софье Буяновер, которая «вышла замуж за политического ссыльного Трушковского»³⁸. Кроме того, существует донесение охранки, согласно которому «в 1887 году проживал в Цюрихе какой-то Трушковский, вращавшийся среди представителей нашей эмиграции. Есть некоторые основания предполагать в названном лице Киевского мещанина А. М. Трушковского»³⁹.

Как бы то ни было, проживавшая в Минусинске Дарья Федоровна Трушковская перебивалась с хлеба на квас, стараясь дать дорогу пятерым детям⁴⁰. Третьим ребенком была дочь Софья, родившаяся 19 февраля 1884 года в Минусинске.

Софья Трушковская окончила Красноярскую фельдшерскую школу и к моменту знакомства с Федором Мансветовым, побывав замужем (фамилия ее первого супруга — Воден), имела сына Викторина (род. 14 сент. 1905 г.)⁴¹.

В детстве Сонечка Трушковская часто бывала в семье В. И. Ульянова, отбывавшего ссылку в селе Шушенское и часто посещавшего Минусинск.

Вождь мирового пролетариата, дававший вместе с другими ссыльными уроки юной Соне Трушковской, навсегда покорила ее сердце. В известной степени он заменил ей отца. Поэтому свои воспоминания она озаглавила «Мой отец — Ленин». Выучив язык местного населения, девочка часто была переводчицей для будущего вождя мирового проле-

³⁸ ГАРФ. Ф. 102. 3-е дел-во. Оп. 87. 1889 г. Д. 43. Ч. 58.

³⁹ ГАРФ. Ф. 102. 3-е дел-во. Оп. 92. 1894 г. Д. 22. Л. А. Ч. 89.

⁴⁰ См.: ГАРФ. Ф. 102. 7-е дел-во. Оп. 204. 1907 г. Д. 4281.

⁴¹ См.: Объединение Российских земских и городских деятелей в Чехословацкой Республике. Анкетно-регистрационная карточка № 2350.

тариата, который, по ее словам, серьезно занимался изучением шаманизма. Вместе с Соней он присутствовал на шаманских камланиях, во время которых ему предсказывали великое кровопролитие. Претерпев немало неприятностей от политики своего минусинского друга, который навсегда остался для нее нравственным идеалом, С. А. Мансветова-Трушковская сожалеет о том, что Ленин предпочел политику ученым занятиям⁴².

Сдав экстерном экзамены за курс гимназии, Софья Трушковская перебирается в Красноярск, где оканчивает фельдшерскую школу. Здесь-то и принесли первые плоды зерна революционной борьбы, посеянные Лениным. Революционный характер Сонечки Трушковской проявился уже в ранней юности. Из донесения начальника Енисейского жандармского управления: «Местными агентурными сведениями было установлено, что в городе Красноярске проживает некая Вагина, у которой находится конспиративная квартира партии социал-демократов. На квартире этой проживала одно время Софья Трушковская, выехавшая затем в город Енисейск, а затем переехали Андрей Иванович Жданов и Роза Рихтер. Кроме того, в связи с этой группой был установлен Анатолий Васильевич Байкалов с женой Клавдией»⁴³.

10 июня 1907 года был произведен обыск на квартире Екатерины Вагиной, где проживала С. А. Трушковская, а также Алексей Петрович Воден, назвавшийся Андреем Ждановым. Как докладывал начальник Управления полиции: «... на основании негласных сведений, Анатолий и Клавдия Байкаловы, Алексей Воден и София Трушковская принадлежат к партии социал-демократов, состоят в Комитете этой партии, участвуют в военном союзе Красноярского

⁴² См.: *Оболенская-Флам Л.* Комитет «Книги для России» // *Летопись американской Руси.* 1912. № 4.

⁴³ ГАРФ. Ф. 102. 7-е дел-во. Оп. 204. 1907 г. Д. 2. Ч. 16. Вход. 17543.

гарнизона и ведут антиправительственную агитацию среди солдат и рабочих»⁴⁴.

Софья Трушковская была арестована 11 июня 1907 года в Енисейске, куда выехала из Красноярска в гости к сестре Пелагии, вышедшей замуж за дьякона Березина. При ней были обнаружены книги К. Маркса, Ф. Лассаля, К. Каутского, избличавшие ее в принадлежности к социал-демократической партии. На допросе она показала: «Виновной себя в принадлежности к Красноярской Организации Р. С. Д. Р. П. я не признаю; не признаю себя также виновной в участии в Военном Союзе Красноярского Гарнизона. С Вагиной и Ждановым я ничего общего не имею и ни в каких отношениях близких не состою и взглядов их политических не знаю. Взятая у меня группа “Якутского протеста” — моя, я купила ее здесь на какой-то вечеринке; снимок с четырьмя лицами — не мой, и как он попал, не знаю, так как у нас жило много квартирантов и, вероятно, кто-нибудь оставил... Две фотографические карточки принадлежат бывшему моему жениху Николаю Петровичу Рогодкину, с которым я разошлась уже год тому назад; где он в настоящее время находится, — я не знаю. Взятые у меня письма на четырех с половиной листах — мои; они получены мной от Рогодкина... Больше добавить ничего не имею. Все остальное, предъявленное мне, не мое...»⁴⁵.

29 октября 1907 года Софья Трушковская была выслана в Туруханский край. Жизнь в селе Сумароково, где юная революционерка обосновалась вместе с Алексеем Воденом и другими ссыльными, была насыщенной и интересной. С одной стороны, были оживленные дискуссии с товарищами по ссылке, с другой — участие в Туруханском бунте (впервые описан в статье Я. М. Свердлова), который стал одним из самых крупных событий Первой русской революции в Туруханском крае.

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 102. 7-е дел-во. Оп. 204. 1907 г. Д. 2. Ч. 16. Вход. 17543.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 102. 3-е дел-во. Оп. 87. 1889 г. Д. 43. Ч. 58.

Описание этих приключений сохранилось в донесении полиции: «Воден в Туруханском крае посещала шайку разбойников, когда они были в д. Сумароковой, имела тесное общение с разбойниками Левиным, Самойловым-Орловым и Дроновым; предупредила шайку о желании части ссыльных разоружить ее; была посвящена в дело образования шайки, так как, прощаясь с арестованными Левиным и Каданером, говорила “скоро увидимся”; а через три дня она уже была в рядах шайки. Была в числе 3 намеченных боевой группой для убийства Помощника Пристава Воденикова на случай его приезда в д. Сумароково. Принадлежит к боевой группе; 9 декабря 1908 г. после ухода шайки на собрании высказывалась за желательность грабежа»⁴⁶.

В этом донесении Софья Трушковская названа с фамилией Алексея Водена. Видимо, в промежуток между октябрём 1907 и декабрем 1908 года она венчается с ним в сумароковской церкви.

После подавления Туруханского восстания Трушковскую-Воден переводят в тюрьму города Енисейска, где 10 мая 1909 года рождается сын Владимир. Это уже второй ее ребенок. Первым был сын Викторин, рожденный 14 сентября 1905 года. Отцом Викторина мог быть тот же Алексей Воден. Хотя есть вероятность того, что им мог быть ссыльный Николай Рогадкин, которого на допросе Софья Трушковская называет своим женихом и с которым она, по ее словам, рассталась в 1906 году⁴⁷.

После енисейской тюрьмы она шесть месяцев провела в Назимовском, а 31 мая 1910 года ее опять вернули в Туруханский край. Отсюда в 1910 году она с Алексеем Воденом и двумя детьми возвращалась в Красноярск. Сохранилось ее прошение на имя енисейского губернатора, в котором она просит разрешить ей выезд до окончания срока ссылки, чтобы

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ См.: ГАРФ. Ф. 102. 5-е дел-во. Оп. 143. 1907 г. Д. 2530-1.

успеть на последний пароход периода навигации: «Распоряжением вашего превосходительства от 29 октября 1907 года я подвергнута в административном порядке высылке из города Красноярска сроком на 3 года.

Переживая ужасные материальные лишения, выпавшие мне на долю, с двумя малолетними детьми (старшему четыре с половиной года, младшему 1 год), при суровых климатических условиях Туруханского края, надломили вконец мой и до того расшатанный организм, о чем с очевидной ясностью свидетельствует наличие у меня туберкулеза легких в острой форме.

Присовокупляя же при этом всю трудность предстоящего мне обратного переезда по окончании срока ссылки, а именно: в последних числах месяца октября сего года, т. е. в такую часть года, когда передвижение совершается по зимнему тракту в открытых санях.

Таковые непосильные трудности неизбежно могут стоить жизни малолеток и моей.

А поэтому, в силу вышеприведенных обстоятельств, я имею честь покорнейше просить Вас, Ваше Превосходительство, во имя гуманизма разрешить мне отъезд из места ссылки до закрытия навигации; приурочить таковой хотя бы к отходу последнего казенного парохода. О последующем решении Вашего Превосходительства прошу уведомить меня.

30 мая 1910 г. София Воден. Туруханский край»⁴⁸.

Прошение было удовлетворено, Софья Воден с мужем и детьми возвратилась в Красноярск, где в последний раз сменила фамилию, став женой Федора Мансветова.

Вероятно, Федор поселился в Красноярске сразу же после завершения ссылки. Познакомиться с Софьей Трушковской он мог и в 1908–1909 годах, так как деревни Мирное и Сумароково расположены не особенно далеко

⁴⁸ ГАРФ. Ф. 102. 3-е дел-во. Оп. 87. 1889 г. Д. 43. Ч. 58.

друг от друга. В письме его сестры Надежды от 10 марта 1912 года говорится: «Федя из ссылки вышел, живет в Красноярске»⁴⁹.

Брак с Федором Мансветовым был счастливым. Софья Амвросьевна разделила все тяготы нелегкой судьбы своего мужа, переезжая с ним из города в город, из страны в страну, с континента на континент. Федор Северианович усыновил родившихся в браке с Воденом сыновей Викторина и Владимира. Позже в Москве рождаются двое собственных его сыновей: в 1914 году — Лев и в 1917 году (22 февраля) — Глеб⁵⁰.

Отношение Ф. С. Мансветова к семье со временем становилось все более трепетным. Партийные интересы, которым он был беззаветно предан в молодости, постепенно уступали место другим чувствам. Это видно, например, из его письма к лидеру партии эсеров, многолетнему другу, единомышленнику и земляку В. М. Чернову⁵¹ от 9 августа 1927 года: «Мне страшно тяжело это письмо, потому что стою перед двумя бесконечно дорогими для меня обстоятельствами. И очень прошу не думать, что вопрос в сентиментах. Я всю свою сознательную жизнь был неразрывно связан с партией и семьей. Причем неизменно интересы семьи подчинял интересам партии. Сейчас для меня партия, увы, сосредоточилась на том не большом круге лиц, который группируется около Вас. Это так для меня естественно, ибо я был всегда Черновцем — мы только называли себя С. Р.-марксистами. Я понимаю, что теперь в этой маленькой среде особенно важна дисциплина, и в частности поддержка вождя — если мы ее создадим, то можем вновь получить все, что потеряно. И мне так бы хотелось на Ваше письмо ответить — просто “слушаюсь”, а не разводить речей. Но это сверх моих сил. Слишком

⁴⁹ Архив Е.Г. Мансветовой.

⁵⁰ См.: Объединение Российских земских и городских деятелей в Чехословацкой Республике. Анкетно-регистрационная карточка № 2350.

⁵¹ Родился в 1873 г. в Хвалынске.

у меня сильны и сложны связи с моей семьей. А сейчас поехать одному — это значит нанести мне очень сильный удар по моей семье — я подчеркиваю, по семье, а не только по Софии Амвросьевне... Ведь речь идет не только о жене, но о человеке, который делил со мною все мои революционные дела. Бросить ее сейчас — в настоящем ее состоянии здоровья — это просто разбить вдребезги ее жизнь, и не только физически, но и морально. Поймите ее состояние — если есть риск для нее и семьи, то мы не задумывались пускать ее в дело, а здесь в деле без риска — недоверие»⁵².

Московская жизнь. За что боролись?

14 января 1912 года закончился срок ссылки Федора Мансветова. После недолгого пребывания в Красноярске он перебирается в Москву, о чем в Департамент полиции немедленно докладывает губернатор Енисейска: «Красноярский Полицмейстер донес мне, что окончивший 14 января 1912 г. срок ссылки и гласного надзора полиции в Туруханском крае и находившийся затем на временном жительстве в городе Красноярске сын священника Федор Северианов Мансветов — в первых числах августа текущего года выбыл из Красноярска в гор. Москву, где состоит студентом Коммерческого Института»⁵³.

Чувствуя необходимость продолжения образования, Федор действительно становится студентом Московского Коммерческого института. В анкете от 1 мая 1912 года, сохранившейся в его личном деле, он не называет истинную причину ухода из Казанского университета, объясняя его тяжелым материальным положением. Умалчивает он и о ссылке в Туруханск, оставляя эту часть своего жизнеописания весьма лаконичной: «За неимением материальных средств я был принужден оставить Университет впредь

⁵² ГАРФ. Ф. 5847. Оп. 2. Ед. хр. 78. Л. 10.

⁵³ ГАРФ. Ф. 102. Д. 5. Оп. 143. Д. 2604. Ч. 5.

до окончания Высшей школы моих братьев и сестры, и сам занимался частной педагогической деятельностью. Имея теперь материальную возможность поступить в Высшую школу и желая продолжить свое образование по юридическо-экономическому отделению, я решил подать прошение в Коммерческий институт»⁵⁴.

В течение полутора лет Федор мечется между Москвой и Красноярском, где остается его семья. Только в 1914 году семья Мансветовых окончательно переселяется в Москву.

Переезд из Красноярска в Москву проходил в августе 1914 года. Яркое описание мобилизации, перемещения огромного количества солдат находится в воспоминаниях С. А. Трушковской, хранящихся в фондах Дома русского зарубежья имени А. И. Солженицына.

Материальное положение семьи с двумя, а затем с четырьмя детьми до конца обучения Федора оставалось напряженным. Софья Амвросьевна вынуждена была искать работу. Как пишет сестра Федора Надежда: «Федя перебрался из Красноярска в Москву, перевез туда жену и детей, она получила там место фельдшерицы, перешел очень хорошо на 3-й курс, написал прекрасное сочинение, вообще, принялся усердно за учение...»⁵⁵. Принялась за учение и жена Мансветова, продолжив образование в Московском медицинском женском институте.

Ближайшими друзьями Мансветовых стала семья Ф. В. Ленгника, старого знакомого Софьи Амвросьевны по сибирской ссылке. В доме Ленгника Ф. С. Мансветов часто встречался с другими видными представителями большевиков П. Н. Лепешинским и Л. Б. Красиным.

Перебравшись в Москву, Федор Мансветов вновь оказался в гуще политической жизни. Полиция внимательно

⁵⁴ ЦИАМ. Ф. 417. Оп. 18. Ед. хр. 776.

⁵⁵ Письмо Н.С. Мансветовой П.С. Мансветову от 13.04.1913 г. Личный архив Е.Г. Мансветовой.

следила за его деятельностью, однако в личном деле студента Мансветова из архива Коммерческого института мы не находим никаких документов о его политической неблагонадежности.

Как отмечает в своих воспоминаниях С. А. Мансветова-Трушковская: «Несмотря на войну, никто не верил в возможность близкой революции... Революция грянула неожиданно, и прежде всего неожиданно для самих революционеров, живших в России... Редкие лица, главным образом за границей, предвидели ее, и в том числе в первую очередь Ленин».

Благополучно завершив обучение в Коммерческом институте, Ф. С. Мансветов начинает работу в Московской городской управе. Летом 1917 года он занимает должность инспектора материально-хозяйственной части городской милиции.

В это время у семьи Мансветовых появились первые разочарования в результатах революции. Как писала С. А. Мансветова-Трушковская: «Началась мучительная эпоха. Революция снесла не только весь аппарат царского правительства, но фактически устранила от влияния всю несоциалистическую часть политической жизни. Борьба шла внутри революционной демократии. Была резкая полемика внутри революционных течений и до революции. Но за редким исключением это не отражалось на личных отношениях. Все вместе сидели в тюрьмах, жили в ссылках и за границей. Главное же, споры были теоретическими, словесными. Теперь же за словами были ружья, гранаты, пушки... Тяжелое мучительное состояние. Я продолжала встречаться и с теми и с другими кругами и определенно могу утверждать, что тяжесть такого положения чувствовалась в обоих лагерях. Мой муж и его политические друзья также изредка продолжали встречаться с Ленгником, Лепешинским, Красиным и другими, несмотря на загруженность работой. Лично они не из-

менили друг к другу отношений. Но было видно, что в личных, частных свиданиях они тщательно избегали даже намека на политические темы. Словно какой-то рок уже висел над ними. Словно они подсознательно чувствовали, что скоро-скоро они, друзья по тюрьмам и борьбе с царизмом, начнут стрелять друг в друга, сажать друг друга в тюрьмы...»⁵⁶.

Февральская революция 1917 года принесла с собой всеобщее избирательное право и пропорциональную систему выборов. Именно на такой основе прошли 25 июня 1917 года выборы в Московскую городскую думу, которые принесли успех партии эсеров.

24 сентября 1917 года прошли выборы 48 районных дум. Ф. С. Мансветов был избран гласным 2-й районной думы.

По инициативе большевиков еще до Октябрьского восстания в Москве 27 октября 1917 года на общем собрании гласных всех районных дум был избран новый орган — Совет районных дум, состоявший в основном из рабочих-большевиков. Из его состава было выбрано Бюро народных дум, усиленное шестью рабочими, членами Центрального союза городских служащих и рабочих.

Получив известие о вооруженном восстании большевиков в Петрограде, председатель Московской городской думы В. В. Руднев созвал экстренное заседание Думы, где заявил, что Дума — единственная законная власть в Москве и не станет подчиняться Советам. Для борьбы с большевиками был создан Комитет общественной безопасности во главе с Рудневым. Вооруженные отряды Комитета в течение недели, с 28 октября по 2 ноября, вели упорные бои с частями московского гарнизона, перешедшими на сторону большевиков, и отрядами матросов, прибывшими из Петрограда.

Сразу же после победы Октябрьского вооруженного восстания решением Московского военно-революционного

⁵⁶ *Трушковская С.А.* Мой отец — Ленин. С. 110–111.

комитета от 5 (18) ноября 1917 года Городская дума была распущена.

В. В. Руднев не собирался сдаваться и объявил на 6 ноября заседание Городской думы, одним из гласных которой был Ф. С. Мансветов⁵⁷. Прибывшие на заседание утром 6 ноября обнаружили, что здание Думы захвачено солдатами, а комиссар Военно-революционного комитета А. Я. Никитин объявил о роспуске Думы. Тем не менее к середине дня состав Городской думы все же начал заседание в помещении Народного университета имени А. Л. Шанявского. Эсеры, главенствовавшие в Думе, предложили резолюцию, наполненную негодованием и обидой по отношению к большевикам, прибегавшим в своей политике к самому бесчестному обману. В резолюции, озвученной эсером М. Я. Гандельманом, говорилось: «Насильственный захват власти, произведенный партией большевиков, зажег в стране пожар гражданской войны, разрушил государственный аппарат, надорвал хозяйственные силы, обессилил фронт, сорвал Учредительное Собрание и грозит полной гибелью стране и революции, гибелью дела трудящихся масс... Попрана идея социализма, попрана идея народоправства... Отняты у народа все завоевания революции, отменена свобода слова, печати, собраний и все другие гражданские свободы, нет неприкосновенности личности и жилища, нет элементарной безопасности, воскресли худшие времена царского самодержавия, возобновлены обыски, аресты и насилия, водворен режим безудержного партийного произвола, ложно выдаваемого за волю пролетариата»⁵⁸.

Об общем возмущении городских служащих политикой большевиков говорил и участвовавший в заседании Федор Мансветов: «Я сейчас только пришел из Временного комитета городских служащих. Временный комитет, обсудив создавшееся положение, вынес следующую резолюцию:

⁵⁷ См.: Красный архив. Т. 27. 1928. С. 64.

⁵⁸ Там же. С. 73.

во-первых, в виде протеста большевикам они хотят объявить однодневную забастовку; затем, они заявляют, что единой законной властью в Москве являются Городская Дума и ее исполнительный орган — управа. В акте насилия над Думой они видят посягательство на самую идею народоправства и потому признают необходимым обратиться ко всем городским работникам с выражением твердой уверенности, что они объединятся с городскими служащими в борьбе за идею народоправства. Затем, об отношении к комиссарам, назначенным Военно-Революционным Комитетом, городские служащие заявляют, что они с ними работать не будут, потому что считают их насильниками, злодеями и захватчиками, а не представителями законной власти...»⁵⁹.

В Февральской революции 1917 года партия эсеров сыграла самую серьезную роль. Федор Мансветов тяготел к центристской ее части, избегая крайностей политической линии как правых, так и левых эсеров. Его ориентиром был В. М. Чернов, занимавший должность министра земледелия во Временном правительстве. Он же стал первым и последним председателем Учредительного собрания.

Отношения социалистов-революционеров и социалистов-демократов, вместе боровшихся против царизма, всегда были откровенно враждебными. Крушение самодержавия обострило борьбу за электорат, главной частью которого было крестьянство. Вышедшие из социал-демократов большевики начисто забыли о всякой демократии и ни с кем не желали делиться властью. Тактический союз с эсерами был разрушен сразу же после Октябрьского переворота. С прежними союзниками большевики расправлялись столь же безжалостно, как и с представителями любой другой политической оппозиции.

Впрочем, и социалисты-революционеры не собирались так просто уступать большевикам. При этом «диктатура

⁵⁹ Там же. С. 89.

демократии», которую они противопоставляли ленинской «диктатуре пролетариата», понималась ими в традиционном для эсеров смысле революционного террора. Так, например, В. М. Чернов в докладе на IV съезде своей партии (9–18 декабря 1917 г.) говорил: «В тот момент, когда кто-нибудь на это осмелится (речь шла о разгоне Учредительного собрания), я думаю, партия эсеров не скрывала и не скрывает, что все ее силы, физические и революционные, которые будут в ее распоряжении, она противопоставит всякой узурпации... как она это делала прежде при предыдущих покушениях на право народа»⁶⁰.

В начале 1918 года Ф. С. Мансветов по поручению ЦК партии эсеров совершает поездки на различные участки фронта начавшейся Гражданской войны. В апреле 1918 года состоялась последняя встреча его жены с председателем Совета народных комиссаров В. И. Лениным. Вот как об этом рассказывает сама Софья Амвросьевна Мансветова: «После переезда Советского правительства в Москву Ленгник и Лепешинский предлагали мне устроить свидание с Лениным. О моем пребывании в Москве они ему говорили. Я не могу сказать, чтобы уклонялась от этого свидания, но и не приняла никаких мер, чтобы оно состоялось. Я продолжала считать себя большевичкой (хотя и неактивной), правда новое имя партии — коммунистическая — меня коробило. Состояние гражданской войны между социалистами меня угнетало до полной прострации. Семья и трудности жизни — это единственное, что спасало меня от черного пессимизма. Я думала, что я скажу Ленину, если он меня спросит, почему я не в партии? Поэтому я была рада, что занятость всех... не давала возможности поставить вопрос остро, когда нужно было бы отказаться или на него идти...»⁶¹.

⁶⁰ Дело Народа. 1917. № 222. 16 декабря.

⁶¹ Грушковская С.А. Мой отец — Ленин. С. 111–112.

Тем не менее встреча с первым человеком в государстве скоро оказалась необходимой.

Американские друзья «бабушки русской революции» Е. К. Брешко-Брешковской переслали в Россию типографию, часть которой оказалась в распоряжении московских эсеров. Чтобы избежать конфискации запрещенного по закону оборудования, типографские машины спрятали в подвале дома, в котором жила семья Мансветовых. Как замечает Софья Амвросьевна: «Мы в это время занимали обширный дом, когда-то бывший молитвенным домом одной из религиозных сект... Дом имел обширные подвалы, где, по-видимому, секта что-то прятала от царской полиции. Там были какие-то тайные комнаты и проходы...»⁶².

Далее произошла история, хорошо знакомая по повести М. А. Булгакова «Собачье сердце». В апреле 1918 года, когда Федор Северианович был в отъезде, «пришла напасть. Советская власть начала понемногу укрепляться и строить правительственный аппарат. Московские районные советы все больше знакомились со своими районами... Обратили внимание и на наш дом... Пришла какая-то комиссия осматривать дом. Потребовали впустить в подвал. Я отказалась. Произошел спор. Тогда еще можно было спорить. Я пустила в ход все мои «ордена»: сидела в тюрьме, ссылке, воспитанница Ленина и так далее. Случайно был кто-то из бывших ссыльных, занимающий какое-то положение в аппарате. Одним словом, удалось добиться того, что двери в подвал не были вскрыты. Но председатель комиссии сказал, что если я не принесу в ближайшие дни «бумагу» от центрального совета, двери будут взломаны...»⁶³.

Добыть «бумагу» посоветовал старый друг по ссылке Ф. В. Ленгник: «Ленгник взял телефонную трубку и начал звонить в разные места. После нескольких неудач я услышала, как

⁶² Там же.

⁶³ Там же. С. 113.

он говорит: “Ну слава Богу, я вас поймал. Дело маленькое, но для меня и для вас серьезное. Соня Трушковская попала в беду. Устроить дело можете только вы”. И после ответов Ленина сказал: “Ну вот, это великолепно. Я ее сейчас шлю к вам с моей запиской. Я ручаюсь, что все, что она скажет, правда”... Легник потом сказал мне, что Ленин сейчас же меня примет, но просил его не задерживать, так как это может только повредить делу. Около него там такие церберы, особенно из женских сотрудников, что могут возненавидеть человека, который отнимает время у Ленина для каких-то личных целей... С письмом Легника, написанным на каком-то правительственном бланке, я отправилась в Кремль. Внутрь Кремля я прошла без предъявления письма. Больших строгостей еще не было. Но для приема у Ленина пришлось уже показать письма. Но оказывается, Ленин уже предупредил дежурного о моем приходе. Старая его методичность, по-видимому, не ослабилась. Само собой разумеется, что я была рада такой заботливости...

Ничего торжественного, правительственного во дворце, где был кабинет Ленина, не было. Только, как во все время в течение революции, были всюду часовые и целые караулы. Но свои обязанности они несли очень небрежно.

Ждать мне почти не пришлось, как секретарь сказал, чтобы я прошла к Ленину. Я открыла дверь и вошла в кабинет... В большой комнате около окна стоял письменный стол больших размеров, весь заваленный бумагами и какими-то газетными вырезками или гранками для печати.

За столом сидел Ленин, и какой-то секретарь, а может быть, и нарком подавал ему бумаги для подписи, и они о чем-то говорили. Я узнала его немедленно по моим воспоминаниям, а не по газетным портретам. Мне показалось, что он не очень постарел, только выглядел усталым. Тот же открытый, лысый лоб, та же всегдашняя улыбка... Я невольно даже зажмурилась, и в моей памяти как живые отразились мину-

синские степи, тайга и горы... Боже, как это давно и вместе с тем недавно было. Какие события, какие метаморфозы. Все это промелькнуло у меня в один момент, так, как у нас говорят, в последнюю минуту пред смертным часом проносится у человека пред глазами вся его прошедшая жизнь...

Это происходило на протяжении всего нескольких секунд, так как Ленин, как только услышал стук закрываемой за мной двери, вскинул голову и взглянул на меня. На секунду у него в глазах было видно недоумение, как бывает, когда человек неожиданно видит незнакомое лицо. Но это продолжалось не больше полсекунды.

— Соня, это ты?

Он вскочил из-за стола так же живо, как когда-то, когда мы играли с ним в детские годы, подбежал и обнял меня, целуя...

— Пойдемте, посидим, — перешел он на “вы”. — Вы ведь теперь большая, мать семейства, и я большой, так нельзя уже звать вас на “ты” ...

Мы пошли к его рабочему столу, не зная, о чем говорить. Секретарь или нарком собирал между тем какие-то бумаги на столе и не очень дружелюбно посматривал на меня...

— Владимир Ильич, — сказал он, — заседание уже началось. Вас там ждут.

Ленин, как будто что-то вспомнив, повернулся к нему и сказал:

— Это моя старая приятельница, почти моя дочь. Познакомьтесь.

Он назвал мне какую-то фамилию, но я совершенно не помню ее, да, думаю, и тогда не разобрала, так как была совершенно вне себя. А Ленин продолжал:

— И Надежда Константиновна мне бы не простила, если бы я не уделил Соне несколько минут. Тем более что она у меня по делу, так прийти не хотела... Идите и скажите, что я скоро буду...

Секретарь или нарком сделался значительно любезнее, пожал мне еще раз руку с титулом “товарищ” и обещал успокоить заседание. Тогда мы присели к столу. Я еще не оправилась и, против моего обыкновения, молчала больше, а Ленин говорил. Но и он не был очень разговорчив, хотя и не отпускал меня, когда я поднималась, чтобы уйти. По-видимому, наше свидание было для него отдыхом, в котором он явно нуждался. На несколько минут он оторвался от своих мыслей. Так, по крайней мере, я чувствовала.

Он то забрасывал меня вопросами, кто где находится из наших старых друзей, что делает. То замолкал и задумывался до того, что у него сбегала с лица его обычная “азиатская” улыбка. Разговор совершенно не касался политики, и Ленин, видимо, был доволен, что я не поднимаю никаких вопросов. Не знаю, как долго продолжался наш разговор, но, думаю, больше, чем полчаса. Мы, наверное, просидели бы и дольше, но дверь начала открываться все чаще и чаще. Кто-то входил и клал перед Лениным записки. Ленин на этих же записках что-то писал, не прерывая разговора со мной.

Но после одной такой записки, на которой он что-то ответил, он сказал мне:

— Знаете, они меня побьют, а вас съедят. Я-то ничего, как-либо отгрызусь, а вам может достаться, давайте перейдем к делу.

А я, можно сказать, уже и забыла, что пришла по делу. Я рассказала с полной откровенностью свое “дело”.

Ленин сказал:

— А вы уверены, что там только “бабушкина” типография?

Я подтвердила, указавши, что сама принимала участие в ее перевозке. Я так была рада, что Ленин спросил “уверена” ли я, не потребовал от меня честного слова. Ясно было, что питает ко мне полное доверие...

— Хорошо, — сказал он, — это нужно устроить. У этой “бабки” путаная голова, и работа ее теперь вредная, но не могу же я отнять у нее типографию. Я сделаю так, — задумался он.

Он взял бланк председателя Совнаркома и написал на нем несколько строчек и расписался. Потом он вызвал секретаря, не того, что я видела у него, когда пришла, и сказал ему, чтобы бумага, которую он написал и подписал, была скреплена печатью и подписью секретаря. Все это было сделано в несколько минут, и я встала, чтобы уйти. Ленин тоже встал, но продолжал говорить, и тут задал политический вопрос, если это можно назвать политикой:

— Вы не работаете в партии, так сказал мне Ленгник? Семейные заботы заедают?

Я ответила утвердительно и добавила:

— Я осталась большевичкой, социал-демократкой. Но мне не нравится перемена имени партии. Но и не это главное, — продолжала я, к моему изумлению, дрожащим голосом, — а главное — мне страшно... Старые товарищи по ссылке, каторге убивают друг друга.

Я закончила вся в слезах:

— Я не критикую, но мне страшно, бьют друг друга...

Лицо Ленина совсем потемнело, он выглядел в этот момент монголом даже по коже. Он взял меня за руку и сказал. Я помню отчетливо и сейчас каждое его слово:

— А мне разве не тяжело? Я учился на Плеханове и Чернышевском... Мне еще тяжелее... Но другого выхода нет. Нужно рвать со старым как можно более решительно. Даже с ошибками, даже с кровью. Нельзя оставлять даже старых слов. Как “социал-демократия”. Я хотел выбросить даже слово “большевик”. Нужно вырыть пропасть, как можно более широкую, между прошлым и новым... Через тысячу лет нас оправдают... Ну, прощай, будь счастлива. Поцелуемся по старому революционному обычаю...

Мы поцеловались три раза крест-накрест, как целовались при расставании революционеры, без надежды когда-либо встретиться снова...»⁶⁴.

Дальний Восток

Вторая половина 1918 года и почти весь 1919 год остаются белым пятном в биографии Ф.С. Мансветова. Неудачное восстание левых эсеров в июле 1918 года в Москве, убийство видных деятелей ЧК и покушение на Ленина в августе 1918 года стали причиной известного постановления Совнаркома от 5 сентября 1918 года «О красном терроре». Пребывание Мансветова в Москве сделалось невозможным. В конце 1918 года он оказывается в Омске (вероятно, побывав до этого в Самаре и Уфе, где он участвовал в деятельности КОМУЧа и сотрудничал с чешскими легионерами), ставшем на короткое время столицей Директории — меньшевистского Временного правительства России.

Этот орган власти бы образован 23 сентября 1918 года на Государственном совещании в Уфе в результате вынужденного и крайне неустойчивого компромисса различных антибольшевистских сил востока России. Главными из них были Комитет членов Учредительного собрания (КОМУЧ) в Самаре и Временное сибирское правительство в Омске. Ведущие позиции в Директории заняли эсеры. Власть Директории была слабой и непрочной. Военные были настроены в отношении Директории по большей части враждебно, усматривая в ней повторение ненавистной для них «керенщины». Столь же враждебно к ней относились рабочие и крестьянские массы.

13 октября 1918 года в Омск прибыл бывший командующий Черноморским флотом вице-адмирал А.В. Колчак, вошедший позднее в состав Совета министров Временного Всероссийского правительства. Военный переворот, совер-

⁶⁴ Трушкова С.А. Мой отец — Ленин. С. 116–119.

шенный в Омске в ночь с 17 на 18 ноября 1918 года группой военнослужащих казачьих частей, привел к сосредоточению всей полноты власти в руках повышенного в звании до полного адмирала А. В. Колчака, названного Верховным правителем России.

«Омский переворот» был немедленно осужден представителями «революционной демократии», главными из которых были эсеры. Находившиеся в Уфе и Екатеринбурге члены Учредительного собрания во главе с В. М. Черновым заявили, что они не признают власти адмирала Колчака, откроют фронт большевикам и будут всеми силами противодействовать новой власти.

Ф. С. Мансветов, находившийся в Омске, снова переходит на подпольную работу. Этот период его жизни отражен в воспоминаниях С. А. Мансветовой-Трушковской следующим образом: «Военный министр Директории адмирал Колчак устроил переворот и провозгласил себя диктатором. Тюрьмы, перед этим наполненные только большевиками, начали еще в большем количестве наполняться социалистами-революционерами, меньшевиками и вообще демократически настроенной публикой. Никогда я и мой муж не теряли в такое короткое время столько наших друзей. Тюрьмы буквально превратились в “дома мертвых”; пытки были повседневным явлением. Повешенных не позволяли снимать с телеграфных столбов, расстрелянных не позволяли убирать с площадей... Судьба спасла меня от ужасов видеть большевистский террор, так как, пока мы жили под советским режимом, еще не было ни расстрелов, ни массовых казней. Поэтому я не могу сравнивать между собой белый и красный террор. Но белый террор я пережила, и многие его жертвы погибли на моих глазах»⁶⁵.

В этих условиях С. А. Мансветова-Трушковская становится организатором Общества Красного креста для помощи

⁶⁵ Там же. С. 119–120.

политзаключенным, вступая при этом в тесные отношения с представителями партии большевиков. «Нельзя же было, — пишет она в своих воспоминаниях, — посылать пищу или одежду социалистам-революционерам, а большевиков оставлять голодать и холодать. То же было и в обратных случаях. Одним словом, восстановилось на некоторое время старое, дореволюционное положение. Представители социалистических партий вели между собой теоретические страстные споры, а фактически сидели в тех же тюрьмах и должны были обмениваться услугами»⁶⁶.

Работа «Красного креста» в колчаковском Омске имела одну особенность, которая проливает свет на некоторые личные качества Верховного правителя. Необходимо было прятать лиц, которых выпускали из тюрьмы. «Благодаря давлению чехословаков, — пишет С. А. Мансветова-Трушкова, — выпускались многие социалисты-революционеры и меньшевики. В составе администрации Колчака были помещены представители многих революционных партий, конечно тайно от правительства. Эти представители имели часто возможность оказать давление, и то или иное лицо освобождалось. Такое положение дела было более или менее известно и учитывалось и правительством Колчака. Поэтому были образованы “независимые” атаманские шайки, которые или врываются в тюрьмы и убивали подлежащих освобождению лиц, или убивали такие лица немедленно по освобождении. Нужно было каждого освобождаемого немедленно скрывать и куда-либо переправлять. Так как партийные организации были сильно разгромлены и перегружены непосредственными боевыми задачами, то [эта задача] волей-неволей легла на плечи Красного Креста. Естественно, что представители разных социалистических партий должны были обмениваться и своими связями, и явками, и конспиративными квартирами.

⁶⁶ Трушкова С.А. Мой отец — Ленин. С. 119–120.

Получилось старое единство под старым же лозунгом: “Идти врозь, а бить вместе”. Думаю, что эта совместная работа Красных крестов подготовила психологическую почву для позднейшего образования коалиционных правительств в Дальневосточной республике на почве борьбы с японскими захватчиками»⁶⁷.

Деятельность С. А. Мансветовой-Трушковской привлекла внимание отдела контрразведки при штабе верховного главнокомандующего⁶⁸. Только отъезд из Омска спас ее от судебного разбирательства и репрессий.

В августе 1919 года Ф. С. Мансветов перебирается из Омска во Владивосток. Эсеры готовили восстание против Колчака, им было необходимо укрепить свою дальневосточную организацию и наладить связь с заграницей.

Прибывший во Владивосток Ф. С. Мансветов занимает должность директора Кредитной канцелярии Приамурского края. Его предложения были положены в основу денежной реформы, проведенной 5 июня 1920 года⁶⁹.

6 апреля 1920 года в Верхнеудинске была провозглашена Дальневосточная республика. Это буферное государственное образование было создано по инициативе РКП(б) для того, чтобы избежать ненужной войны с Японией, которая к тому времени оккупировала значительные территории на Дальнем Востоке. Советская Россия официально признала ДВР уже 14 мая 1920 года, предоставив ей с самого начала финансовую, дипломатическую, кадровую, хозяйственную и военную помощь. Это позволило Москве контролировать внутреннюю и внешнюю политику Дальневосточной республики и создать Народно-революционную армию на базе красных дивизий.

⁶⁷ Там же. С. 121.

⁶⁸ См.: РГВИА. Ф. 40397. Оп. 1. Д. 32. С. 1.

⁶⁹ См.: *Погребецкий А.И.* Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока за период войны и революции (1914–1924). Харбин, 1924. С. 342.

Летом 1920 года во Владивостоке прошли выборы в Народное собрание Дальнего Востока. 20 июня 1920 года этот орган народовластия приступил к работе под председательством Ф. С. Мансветова⁷⁰. Народное собрание обладало законодательной властью, правом надзора за установлением налогов и пошлин, заключением займов и международных договоров.

Избрание Ф. С. Мансветова на пост Председателя Народного собрания Дальнего Востока многие признавали на редкость удачным. Как вспоминал позже белогвардейский полковник Н. А. Мартынов: «Лидером в этом Народном Собрании был от эсеров Мансветов, кажется член ЦК партии эсеров, высокого роста, широкоплечий и вообще крупный мужчина с открытым, можно сказать русским, лицом, с подкупающей улыбкой, неплохо владевший языком, одевался он хоть просто, но тщательно — все на нем было хорошо сидящим, что как-то побуждало к нему доброе отношение, даже несмотря на некоторое одиозное отношение к его партии эсеров лиц, отрицательно относящихся к этой партии»⁷¹.

В ноябре 1920 года Народно-революционная армия разгромила вооруженные части атамана Семенова. Япония была вынуждена согласиться убрать свои войска из Забайкалья.

После длительных боев части НРА и партизаны заняли Читу, которая стала новой столицей ДВР.

На состоявшейся в Чите конференции представители правительств Забайкальской, Амурской, Приморской областей законодательно оформили объединение в Дальневосточную республику, столица была перенесена в Читу.

---

⁷⁰ См.: *Землянский В.Л.* Начало парламентской деятельности Временного народного собрания Дальнего Востока // Сб. мат. XI Международной молодежной конференции (Томск, 8–10 апр. 2015 г.). Вып 11. Т. 1. Томск, 2015. С. 185.

⁷¹ Русская Атлантида. 2011. № 41. С. 30.

9 января 1921 года начались выборы в Учредительное собрание ДВР, задачей которого стала выработка конституции республики и создание ее верховных органов. Учредительное собрание ДВР открылось 12 февраля 1921 года.

Большинство в Учредительном собрании получили большевики в союзе с представителями крестьянских партизанских отрядов. Оказавшиеся в меньшинстве эсеры постепенно сосредоточились в Приморье.

После объединения областей Дальневосточной республики осенью 1920 года правительство Приморской земской управы сложило свои полномочия, и вместо него было создано областное управление ДВР. Но эсеры и меньшевики попытались добиться реванша, настаивая на допуске в Приморье каппелевских войск, надеясь создать из них собственную вооруженную опору. Но у белых генералов были свои планы. 26 мая 1921 года белогвардейцы с помощью японцев совершили в Приморье переворот, и к власти пришло Временное приамурское правительство во главе с братьями Спиридоном и Николаем Меркуловыми. Правые эсеры Ф. С. Мансветов, И. А. Плеханов, А. И. Погребецкий и другие стали депутатами Приамурского Народного собрания. Эсеровская фракция требовала политических и экономических соглашений с Дальневосточной республикой, протестовала против распродажи государственного имущества, делала запросы, касающиеся расходов государственных средств, выплаты жалованья рабочим и служащим, народного образования и т. д.

23 июля 1922 года газета «Правда» писала: «Умеренно-черносотенное правительство Меркулова решило приукрасить свой дом демократическим фасадом... Во Владивостоке под страшным давлением произошли выборы в куций представительный орган, закончившиеся, как и следовало ожидать, относительной победой меркуловцев... Оказывается, на Дальнем Востоке имеются политические деятели, которые

в смысле политического разумения много беспомощнее ребенка. Это владивостокские эсеры. Как сообщает телеграф, Мансветов, Погребецкий и другие видные деятели этой партии в Приморье не только участвовали в выборах в меркуловский тоже-парламент, но даже, будучи избранными, вошли в его состав. Иными словами, стали на сторону черносотенной реакции»⁷².

Автор заметки, скрывшийся под инициалами И. М., в духе ленинской стилистики отождествляет избранных в Народный совет с черносотенцами и белогвардейцами, призывая на их головы все революционные кары: «Что означает владивостокский факт? Как его объяснить? Чем его оправдать? Политическое положение яснее ясного, и однако г. г. Мансветов и Погребецкий занимают места на скамьях меркуловского “народного” собрания. По недомыслию? По слабости? По склонности к черной сотне? Какое нам дело! В разгар суровой битвы о противнике не спрашивают: почему он стал врагом?, а спрашивают только: где он? Если эсеры по тем или иным соображениям становятся на сторону контрреволюции, им нечего жаловаться, когда рука Советской республики, разя белогвардейский фронт, тяжело опустится и на них. Такова логика борьбы. Кто вынимает меч из ножен, должен быть готов к тому, что и на него может обрушиться меч противника...»⁷³.

Обвинения «Правды» в адрес эсеров в соглашательстве с «белогвардейцами и черносотенцами» вряд ли можно считать справедливыми. Эсеры, оставшиеся во Владивостоке, приняли участие в выборах в Приамурское народное собрание и получили вместе с беспартийными крестьянами ни много ни мало 28% голосов. Это открывало возможность влиять на самые важные политические решения. Как разъяснял Ф. С. Мансветов, их вхождение в меркуловское При-

⁷² Правда. 1922. 23 июля.

⁷³ Там же.

амурское народное собрание — это способ взрыва изнутри этого собрания⁷⁴.

В то же время правые эсеры участвовали в заговоре против белого режима в конце 1921 года. Они создали подпольные ячейки в белой армии, но стали просить деньги на совершение переворота у большевиков. Весной 1922 года приморские эсеры даже пытались примирить верхушку белой армии с большевиками, однако коммунисты не пошли на это.

Наступление Народно-революционной армии Дальневосточной республики под Хабаровском зимой и весной 1922 года привело летом 1922 года к отставке меркуловского правительства и переходу реальной власти к генералу М. К. Дитерихсу, провозглашенному 23 июля 1922 года Правителем Приамурского государственного образования. Первым указом Дитерихс переименовал Приамурское государственное образование в Приамурский земский край, а армию — в Земскую рать.

Оказавшись у власти, Дитерихс начал с того, что объявил себя «земским воеводой» и приступил к реорганизации государственного управления в Южном Приморье на началах средневековой Руси. Пытаясь сыграть на религиозных чувствах населения, он установил основной административной единицей церковный приход⁷⁵.

19 октября подразделения Народно-революционной армии подошли к Владивостоку, однако им преградили путь японские части. В этот момент уже полным ходом шла эвакуация офицеров, чиновников, гражданского населения из Владивостокского порта.

Начавшаяся спешная эвакуация белых из Владивостока всей тяжестью легла на плечи адмирала Г. К. Старка.

⁷⁴ См.: ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 161. Л. 5.

⁷⁵ См.: *Шишкин С.Н.* Гражданская война на Дальнем Востоке. М.: Воениздат, 1957. С. 134.

23 октября 1922 года он увел за границу свою разнокалиберную эскадру. Всего ушло 30 кораблей. Ф. С. Мансветов с семьей навсегда покинул Россию.

В «русской Праге»

В 1922 году Ф. С. Мансветов прибывает в Прагу, которая в это время становится одним из крупнейших центров русской эмиграции. Русские эмигранты пользовались покровительством правительства молодой Чехословацкой Республики, которое летом 1922 года организовало программу всесторонней помощи «Русская акция». Правительство Чехословакии щедро финансировало «Русскую акцию», затрачивая на нее до 5% бюджета страны. Всего с 1921 года по 1937 год на благотворительную помощь русским эмигрантам было потрачено более 561 миллиона чехословацких крон⁷⁶. Вместе с тем лидеры Чехословакии не хотели, чтобы эмигранты занимались политической и военной борьбой с Советской республикой. Въезд в страну крайне правым и крайне левым был запрещен. Ограничивался въезд военнослужащих, которые могли составить организованную политическую силу, как это случилось в Болгарии. Основная поддержка «Русской акции» была направлена не на политиков, а на ученых, деятелей культуры и студентов. Тем не менее на первых порах мероприятия «Русской акции» развивались с опорой главным образом на эсеров, лидер которых В. М. Чернов, обосновавшись в Чехословакии в 1920 году, начал издание журнала «Воля России».

Участие Ф. С. Мансветова в коалиционных правительственных органах Дальневосточной республики противоречило указаниям высших органов партии эсеров, которые запрещали всякий союз с буржуазными партиями. Сибирский комитет партии эсеров признал позицию Мансветова

⁷⁶ См.: Ковалев М. В. Повседневная жизнь российской эмиграции в Праге в 1920–1930-е гг. Саратов, 2014. С. 25.

и некоторых других дальневосточных эсеров предосудительной. Все они были исключены из партии. Тем не менее Заграничная делегация партии эсеров, рассмотрев заявления исключенных Сибирским комитетом политиков, отменила это постановление, и Федор Северианович с соратниками были восстановлены в партийных рядах⁷⁷.

Профессор А. Аврус считает, что именно в это время, когда Заграничный комитет партии эсеров рассматривает апелляцию Мансветова, происходит его личное знакомство с В. М. Черновым, который отмечает его активность и незаурядные организаторские способности.

Одной из русских общественных организаций был пражский Земгор (Объединение Российских земских и городских деятелей в Чехословацкой Республике), куда входило около 100 членов, большей частью принадлежавших к партии эсеров. Это были остатки Всероссийского земского и городского союза, который во время Великой войны помогал правительству России в снабжении армии медицинской помощью, продовольствием и одеждой.

С самого начала жизни в Праге Федор Мансветов стал активным членом Земгора, участником самых разных мероприятий, организованных этим союзом.

В Праге Земгор перенял консульские функции (выдавал разного рода удостоверения взамен утерянных или отсутствующих документов) и участвовал в благотворительной и культурной деятельности.

Земгор изучал численность, условия жизни эмигрантов, помогал в поисках работы, в защите правовых интересов, оказывал медицинскую и материальную помощь. С этой целью Земгор организовывал для русских эмигрантов сельскохозяйственные школы, трудовые артели, ремесленные мастерские, земледельческие колонии, кооперации, открывал общежития, столовые и т. д. Главной финансовой основой

⁷⁷ См.: РГАСПИ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 967.

*Федор Мансветов с сыном.
1920-е гг.*

Земгора были субсидии Министерства иностранных дел Чехословакии. Ему помогали банки и финансовые организации. Благодаря этой политике в начале 1920-х годов в Чехословакии появились многочисленные специалисты из эмигрантов в различных областях сельского хозяйства и промышленности: огородники, садоводы, птицеводы, маслоделы, сыровары, плотники, столяры и квалифицированные рабочие других специальностей. Земгор проводил огромную культурно-просветительскую работу с целью

поддержания и сохранения связи русских эмигрантов с культурой, языком и традициями России. Одновременно ставилась задача повышения культурно-образовательного уровня беженцев. Организовывались лекции, доклады, экскурсии, выставки, библиотеки, читальни.

Ф. С. Мансветов стал одним из основателей Русской гимназии Земгора в Праге. Прибывшие вместе с родителями младшие дети Владимир, Лев и Глеб начинали учиться в русской школе, открывшейся в 1921 году. Федор Северианович был избран председателем родительского комитета этой школы. Тяжелые условия домашней жизни учащихся побуждали позаботиться об организации интерната для учащихся, так как только при этом условии возможен был и рост количества учеников, и нормальный ход учебных занятий. Земгором совместно с родительскими организациями было решено летом 1922 года организовать летнюю

детскую колонию, для чего была избрана особая комиссия, состоявшая из представителей родительских организаций под общим руководством Земгора. Председательницей этой комиссии была С. А. Мансветова.

С 1923 года Федор Мансветов являлся членом Лекционной комиссии Русского народного университета в Праге, был одним из инициаторов и деятельных участников создания Комитета русской книги.

Общественная деятельность Федора Мансветова в Праге была широкой и разносторонней.

До отъезда в Америку в 1930 году он входил в Совет Русского заграничного исторического архива, крупнейшего в Европе собрания документов русской эмиграции 1920–1940-х годов. Архив был создан постановлением Комитета Земгора от 17 и 19 февраля 1923 года как «Архив русской революции» в составе библиотеки при Культурно-просветительном отделе Пражского отделения Земгора. В 1924 году получил название «Русский заграничный исторический архив в Праге». В фондах архива хранились бесценные исторические документы, в том числе мемуары крупных политических деятелей революции и Гражданской войны, воспоминания офицеров Белой армии, материалы Донского казачества. После освобождения Чехословакии от нацистов советские власти немедленно потребовали передать им архив. 13 июня 1945 года правительство Чехословакии приняло постановление о передаче Академии наук СССР документов рукописного отдела и Донского казачьего архива. Документы были вывезены в СССР и надолго погребены в недрах секретных фондов Госархива. Ныне они хранятся в ГАРФ и доступны исследователям.

Еще одним направлением в работе Ф. С. Мансветова в Праге стала издательская деятельность. Вместе с В. М. Черновым и другими видными представителями партии эсеров он организовывает издательство газеты, а потом и журнала

«Воля России». Является одним из создателей (вместе с профессором Е. А. Ляцким)⁷⁸ и редакторов издательства «Пламя», в котором занимает должность коммерческого директора. Издательство активно работало до 1926 года и выпустило за это время более сотни названий. «Пламя» имело собственные книжные магазины, склады в Берлине, Белграде, Брно, Лондоне, Риге, Хельсинки, Каунасе, Таллине и других городах. Программа издательства была широкой и включала философию, социальные науки и политику, естественные и прикладные науки, историю литературы, искусство, беллетристику, справочные издания и учебники. Кроме книг, издательство выпускало библиографические журналы: еженедельный «Огни» и ежемесячный «Славянская книга».

В январе 1931 года Ф. С. Мансветов становится главным редактором журнала «Колонист», издававшегося в Праге.

Нашлась в Праге для Федора Севериановича и работа по специальности. Он становится председателем правления созданного при его участии сберегательного банка (Заложны) «Славянская взаимность»⁷⁹.

Американские будни

Первую командировку в США Ф. С. Мансветов совершает в начале 1930 года. Правление «Славянской взаимности» в своем отношении от 10 января 1930 года к Генеральному консулу Чехословацкой Республики так определяет цели его поездки: «...вопрос переселения. Задача нашего делегата установить, а если возможно, то и оформить получение виз в Соед. Шт. Америки и Канаду. Войти в предварительные переговоры с банками по финансированию приобретения земель, построек и инвентаря для переселяющихся.

⁷⁸ См.: *Гуль Р.* Я унес Россию: Апология эмиграции. Т. 1. Россия в Германии. Нью-Йорк, 1981. С. 35.

⁷⁹ См.: Русское обозрение. 1930. 22 марта.

Переговоры с собственниками земель. Установление связи с культурными и финансовыми организациями эмигрантов бывшей Российской империи.

Обследование вопроса об открытии филиальных отделений “Славянской Взаимности”, если это окажется нужным.

Вообще, Ф. С. Мансветов займется всеми вопросами, которые могут составлять интерес для “Славянской Взаимности” как организации кредитно-кооперативной...

Так как Ф. С. Мансветов является членом Правления общества сибиряков, то он получил задание от общества укрепить имеющиеся связи в Америке и установить все возможные новые; это относится в той же мере и к редакции “Вольная Сибирь”.

Ф. С. Мансветов состоит членом Совета Русского Заграничного Исторического Архива.

Благодаря отдаленности Америки эмигрантские учреждения и другие лица недостаточно знакомы с работой Архива, и задача Ф. С. Мансветова восполнить этот пробел.

Кроме того, Ф. С. Мансветов имеет поручения и от ряда других организаций»⁸⁰.

Проект Ф. С. Мансветова по переселению русских эмигрантов, главным образом сектантов духоборов и молокан, в Канаду и Южную Америку носил масштабный характер и требовал значительных средств. Дело осложнялось Великой депрессией, в которой находилось хозяйство США и Канады. Стараясь заинтересовать возможных американских партнеров, Мансветов создает «Американский Славянский Колонизационный Трест», к работе которого стремится привлечь наиболее авторитетных в США деятелей русской эмиграции: С. Н. Прокоповича, В. И. Терещенко, А. Ф. Керенского и др. Так, в сентябре 1930 года в письме к С. Н. Прокоповичу он пишет: «Вчера возвратился из Канады. Был в Торонто, Монреале, Виннипеге и Веригино в центре

⁸⁰ ГАРФ. Ф. Р-5791. Оп. 1. Д. 66. С. 17–18.

Саскачеванских духобор. Передо мной возвратился В. И. Терещенко, объехавший Чикаго, Детройт и Торонто. Я виделся с представителями русских, украинских и еврейских организаций. Вел переговоры с ответственными лицами обеих канадских железных дорог, крупнейших земельных компаний... В Виннипеге был принят премьер-министром в полуторачасовой аудиенции... Общее положение в земледелии и иммиграции таково. Цены на хлеб пали почти втрое... Цены на землю почти нет... Банки почти прекратили операции... Тысячи ферм брошены владельцами, которые приобрели их во время высокой конъюнктуры... Духоборов видел в полном составе, так как к моему приезду была приурочена их конференция. Сохранили полностью русский бытовой язык, одежду, песни и прочее... Из 14–16 тысяч духобор 7–8 тысяч собираются переселиться в Мексику в места, которые были осмотрены мной и В. Терещенко... Причины переселения, главная: искаание правды на земле и собственного царства, второстепенная: климатические условия — духоборы — южане...»⁸¹.

В другом письме, отправленном в том же месяце, Мансветов пишет: «Вопрос идет в данный момент о конкретизации колониционного плана... В дело вовлечен один из крупнейших в Америке людей, в настоящее время считающийся лучшим организатором. Он знаком с кооперацией и был организатором фермерского кооперативного союза, охватившего весь Запад Америки... Возможен мой срочный выезд с данным лицом и мистером Ханнеем в Мексико-Сити. Из Мексико-Сити получены очень хорошие вести: правительство в нас очень сильно нуждается, и мы можем многого добиться, в том числе культурной автономии, гарантии наших земельных займов, налоговых льгот и пр., пр... Американцы рассматривают наше дело как опыт разрешения русской проблемы, при этом они все время подчеркивают, что их симпатии на стороне Керенского, Чернова,

⁸¹ ГАРФ. Ф. 5902. Оп. 1. Д. 152. Л. 2 об.

Милюкова... Но при этом просят не заострять углы против правых и коммунистов. Я сегодня был буквально поражен, когда крупнейшее лицо Соединенных Штатов, финансист, сказал мне буквально следующее: “Я готов целиком вложиться в это дело. Ваше начинание бьет царизм и большевиков, только никогда не провозглашайте этого”... Если бы в нашем переселенческом деле удалось заполучить поддержку указанных трех лидеров левого сектора эмиграции, то его можно было бы поставить как разрешение проблемы эмиграции в широком государственном масштабе. Это одновременно ставило бы на разрешение всю русскую проблему. Я взял на себя смелость написать по этому поводу А. Ф. Керенскому. Ответа пока нет, правда, несколько пачек писем гоняются по Америке за мной...»⁸².

С самого начала было обговорено, что АСКТ («Американский Славянский Колонизационный Трест») будет строиться исключительно на кооперативных принципах. Поэтому в феврале 1931 года Ф. С. Мансветов отправляет в Американскую федерацию партии эсеров письмо о том, что выходит из партии, но не из-за смены убеждений, а чтобы вывести партию из-под удара критики⁸³.

Объектом заботы Ф. С. Мансветова были не только русские сектанты, но и простые крестьяне, которые на рубеже 1920–1930-х годов в огромном количестве скопились в Северной Маньчжурии, в так называемом Трехречье — Хэйлудзянской провинции Китая. Первые русские поселения появились здесь еще в середине XVII столетия. К концу XIX века этот край, входивший в состав Китая, был заселен в основном русскими крестьянами, потомками казаков Забайкалья.

Первый поток беженцев из России хлынул сюда в первые годы революции и Гражданской войны. Спасавшиеся

⁸² Там же. Л. 1.

⁸³ См.: ГАРФ. Ф. Р-5847. Оп. 1. Д. 1033. Л. 1.

от грабежей русские мужики перегоняли скот через невысокий горный хребет, переправлялись через реку Аргунь и оказывались на китайской стороне среди своих же русских людей. Население Трехречья в это время увеличилось в десятки раз. Однако безопасность на маньчжурском берегу Аргуни оказалась ненадежной. Воспетые советскими поэтами «лихие эскадроны приамурских партизан», обобрав до нитки население Забайкалья, под предлогом борьбы с формированиями атамана Семенова совершали кровавые карательные рейды в Трехречье. Особенной жестокостью прославился командир 4-го кавалерийского партизанского полка Степан Толстокулаков. Его отряды, составленные из дезертиров, каторжников и откровенных босяков, не гнушаясь ничем, убивали купцов, крестьян, зажиточных казаков. Красный террор заставлял население покидать обжитые места, уходить вглубь Китая, расселяясь в городках и поселках, расположенных вокруг Китайско-Восточной железной дороги.

Вторая волна беженцев состояла из крестьян, уходивших на рубеже 1920–1930-х годов от голода, раскулачивания и коллективизации. Обосновавшийся в Маньчжурии атаман Г. М. Семенов организовал управление русскими поселениями, сформировав 18 казачьих станиц, объединивших 65 поселков. Население всего Трехречья было сведено в Трехреченскую станицу с центром в поселке Драгоценка (китайское название — Саньхэ).

Обстановка в «русском Китае» была очень напряженной. В эмигрантской переписке того времени читаем: «Город Харбин в 1928–1929 гг. вмещал в себя и по возможности давал работу почти всем прибывшим эмигрантам. С наступлением же конфликта число эмигрантов настолько возросло, что потребовалась общественная помощь не только со стороны русских, но даже Американского Красного Креста. По окончании конфликта оказываемая помощь прекращена.

Ныне с упразднением конфликта весной 1930 г. из Советской России хлынул уже новый поток эмигрантов. Пробраться до Харбина средств нет, а потому подавляющее большинство расселяется где можно под открытым небом лагерным порядком.

...Немцам помощь оказывают (перевозят в Харбин, подыскивают жилье, помогают получить визы для въезда в С. Ш.). Русским же отказывают»⁸⁴.

Деятельность Ф. С. Мансветова по переселению сибирских беженцев отражена в переписке председателя «Общества сибиряков» в Чехословацкой Республике Ивана Александровича Якушева с членом «Общества сибиряков» Герасимом Павловичем Грачевым, председателем Харбинского отделения эмигрантской организации «Крестьянская Россия».

Так, в письме от 18 января 1930 года Грачев сообщает о положении дел в Харбине: «Обстановка там убийственно скверная. Всем бежать нет возможности по многим причинам, но очень многие плюют на все причины и бегут. Бегут с восточных окраин, из средней и западной Сибири, и даже и с той стороны Урала. Харбин переполнен новыми беженцами, и их приток будет продолжаться до конца власти атамана»⁸⁵.

Якушев успокаивает Грачева сообщением об успешной деятельности Мансветова по организации переселения. В письме от 3 мая 1930 года он сообщает: «Из ориентированной американской поездки вернулся Ф. С. Мансветов... Дело с переселением в Америку и Канаду (например, в Провинцию у Мексиканского пролива), можно считать законченным.

...По мнению Мансветова, осматривающего эти земли, он находит их вполне пригодными для заселения... Он же

---

⁸⁴ ГАРФ. Ф. Р-5871. Оп. 1. Д. 128. С. 153.

⁸⁵ Там же. С. 53.

утверждает, что не исключена возможность переселения и в Канаду»⁸⁶.

Столь же оптимистично письмо Якушева от 22 июля 1931 года: «Положение о переселении в Сев. Мексику и Техас тоже по линии проработки как плана финансирования, так и изучения колониционных районов. Группа, заинтересованная в переселении, вновь вызвала в Америку Мансветова...»⁸⁷.

Необходимость в получении денежных средств для осуществления этих проектов привела Федора Мансветова к мысли о создании своего банка, доходы от которого можно было бы направить в нужное русло. Газета «Русское обозрение» в номере от 22 марта 1930 года печатает объявление о создании Российско-американского народного кооперативного банка в Чикаго с уставным капиталом в 300 000 долларов. «Нашей целью, — писали учредители банка, — является объединение разрозненных русских сил. Мы хотим, чтобы русские деньги шли на улучшение наших жилищных условий. Нам нужны наши собственные кооперативные магазины, чтобы мы могли покупать продукты высокого качества по более низким ценам. Нам нужны наши собственные кооперативные рестораны и столовые, чтобы у нас была хорошая еда по более низким ценам. Нам нужны наши собственные жилищные кооперативы, чтобы любой из нас мог иметь свой собственный дом или квартиру в таком кооперативе. У наших торговцев, наших мелких предпринимателей должен быть свой собственный банк, который будет финансировать их бизнес. В то же время мы должны поддерживать нашу собственную культуру, нацию и т. д.»⁸⁸

Работа Мансветова в США закрутилась так быстро и на стольких направлениях, что «Славянская взаимность»

⁸⁶ ГАРФ. Ф. Р-5871. Оп. 1. Д. 128. С. 9.

⁸⁷ Там же. С. 32.

⁸⁸ Русское обозрение. 1930. 22 марта.

сочла необходимым направить его во вторую командировку. 1 августа 1930 года в Генеральное консульство отправляется извещение: «Правление нашей кассы вторично командирует в текущем году своего представителя Ф. С. Мансветова в Соед. Штаты, Канаду и, в случае надобности, и Мексику, в связи с вопросами кооперирования переселения и укрепления связей с общественными и кооперативными организациями Америки»⁸⁹.

Приступая к созданию треста и банка, Ф. С. Мансветов говорил о полномочиях, которые получил от сберегательного банка «Славянская взаимность» в Праге. Однако «Славянская взаимность» не торопилась с поддержкой председателя своего правления, к инициативам которого относилась со все большей предосторожностью.

27 октября 1930 года правление пражского банка отправляет Мансветову сообщение (№ 1254) о несогласии с основными пунктами его американской программы:

«В заседании 25 октября с/г. Правление рассмотрело Ваше сообщение об образовании Американско-Славянского треста и приняло означенное сообщение к сведению. Никакого постановления, в котором ближайшим образом устанавливало бы отношение “Славянской Взаимности” к упомянутому Тресту, Правление не было в состоянии принять и по следующим причинам.

1). Сообщение об основании Треста было первым Вашим обращением к Правлению за все время Вашей командировки в Америку.

2). Ваши письма к отдельным лицам, о которых упоминалось выше, также не дают достаточно материала для того, чтобы Правление могло сделать что-либо иное, как только констатировать факт Вашей действительно обширной работы.

3). Для того, чтобы постановить что-нибудь другое, необходимо, чтобы Вы ставили Правление в курс дела

---

⁸⁹ ГАРФ. Ф. Р-5791. Оп. 1. Д. 66. С. 74.

систематически и чтобы Правление имело совершенно ясное представление о всем ходе работы.

Правление полагает, что Вам известно финансовое положение Заложны и те затруднения, которые она переживает, чтобы Вы могли представить себе те возможности, которыми Заложна располагает в смысле ее участия в акциях Треста»⁹⁰.

Проект Ф.С. Мансветова вызвал неоднозначное отношение и со стороны целого ряда других русских эмигрантских организаций. Так, например, парижская эмигрантская газета «Возрождение» в номере от 1 февраля 1931 года опубликовала язвительную заметку Александра Яблоновского «Дело коммунистическое», в которой Федор Северианович Мансветов прямо обвинялся в личном коммерческом интересе. «Наши читатели, — пишет Яблоновский, — уже знают о головокружительном предприятии г-на Мансветова (эсер из пражского Земгора), который решил переселить в Мексику и другие заокеанские страны 25 тысяч русских семейств и организовал даже “эмигрантский трест” (миллион паев по 5 долларов каждый. Я не берусь сказать, почему именно бессребренику эсеру пришла в голову такая золотая мысль. Но я знаю, что безработные эсеры способны творить чудеса. Однако люди знающие предъявляют самые серьезные возражения против проекта г. Мансветова. Не далее как вчера ко мне в редакцию пришел человек (русский интеллигент), который только что приехал из Мексики и отлично знает то место, где хотят поселить будущих русских колонистов. Мой собеседник говорил о проекте с большим волнением.

— Готовится преступление, — утверждал он. — Я даю на отсечение голову, что в штате Тамаулипас по реке Сото-де-ла-Марино, где хотят поселить русских, жить нельзя и что из каждых ста человек, наверное, умрет девяносто...

⁹⁰ ГАРФ. Ф. Р-5791. Оп. 1. Д. 66. С. 56.

Я успокоил моего собеседника. И мы стали говорить по порядку. Во главе треста стоит его председатель Филипп Ней, нотариус из Виннипега, затем г. Мансветов как представитель от банка «Славянской взаимности» (Прага) и господин Терещенко от казачьего союза. Трест — коммерческая организация, рассчитывающая выпустить миллион паев по 5 долларов каждый... Идея треста — переселить в Мексику, во-первых, 7 тысяч семейств канадских духоборов, недовольных условиями жизни в Канаде. И во-вторых, русских эмигрантов из лимитрофов из Сербии, из Болгарии и Чехии. Всего — 25 тысяч семейств.

— Почему Вы думаете, что по реке Сото-де-ла-Марино жить нельзя?

— О, Боже! Я там был. Это гиблое место, это пустыня, где не живут даже индейцы. Местность, кишая самыми ужасными гадами: змеи, самые ядовитые, крокодилы, скорпионы, комары, опасные мухи. В Мексике есть целые деревни, населенные слепыми людьми. Врачи изучили это явление и пришли к выводу, что слепота является результатом укуса комаров...

— Но скажите, почему же трест выбрал для русских переселенцев такое “привольное” местечко?

— Очень просто. Эти земли государство отдает бесплатно. Бери кто хочет. Отдельным переселенцам не дадут. Но тресту дадут. Безвозмездно.

— А скажите еще. Если трест — предприятие коммерческое, то на какие барыши он рассчитывает? Ведь русские люди — бедные люди.

— О, не говорите. Во-первых, русские из Канады совсем не бедны. Духоборы — сплошь народ зажиточный. А во-вторых, коммерческий человек всегда на переселенцах хорошо зарабатывает... Пароходные компании дают по 30 долларов куртажа за каждого доставленного им пассажира... Кроме того — покупка сельскохозяйственных

орудий, постройка домов, расчистка земель... Нет, на переселенце решительный человек может много заработать.

— Так вы думаете, что эсер Мансветов, представитель Земгора...

— Я не знаю, какой он партии. Но он — представитель банка и связан с трестом. А американские тресты не создаются ради прекрасных глаз русской эмиграции...»⁹¹.

Эмигрантские организации были всерьез обеспокоены сомнительностью предприятия по переселению в Мексику. В январе 1931 года в Париже состоялось совместное заседание Земско-Городского Комитета, Российского Общества Красного Креста, Казачьего Союза, Общевоинского Союза и Центрального комитета по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей. Как сообщала газета «Возрождение»: «Предметом суждения была деятельность образовавшегося в Нью-Йорке по председательством Ф.С. Мансветова общества (American Slavic Colonisation Trust), ставящего себе целью переселение сельскохозяйственных рабочих, в частности русских беженцев, в Канаду, некоторые штаты Северной Америки и Мексику... Учитывая ряд крупных неудач, имевших место в прошлом при переселении русских беженцев в заокеанские страны, а также отсутствие в распоряжении русских организаций проверенных ими данных о новом предприятии, достаточно гарантирующих интересы беженцев, принимавшие участие в совещании организации отнеслись к проекту с величайшей осторожностью, отказавшись поддерживать его впредь до получения ими подробных данных из источников, непосредственно связанных с этими организациями»⁹².

О недоверии к Мансветову пишет видный представитель пражской общины русской эмиграции ученый-библиограф С.П. Постников: «Осторожное и подозрительное отноше-

⁹¹ Возрождение. Париж. № 2070. 1931. 1 февраля.

⁹² Возрождение. 1931. 29 января.

ние к переселению объясняется, конечно, историей переселения за последние десятилетия. Вы должны знать эти истории, особенно последнюю, когда казаки переселялись через Каралевича. Вы, конечно, также знаете, что первая генерация переселенцев, если они сумеют осесть, обыкновенно гибнет. Они являются навозом для следующей партии переселенцев. Все это требует крайней добросовестности, даже жертвенности и деловитости тех людей, которые берут на себя дело переселения. Так было в истории с духоборами. Я лично во всех отношениях крайне отрицательно отношусь к Мансветову, и, поверьте, здесь нет ни грамма политики.

...Мансветов не бросит ли и переселенцев на произвол судьбы и не перепорхнет на более выгодное ему дело...

...Я был бы, как и Вы, очень счастлив, если бы голодные русские мужики переселились бы на хлебоборбные свободные земли, но мне, так же как и Вам, не хочется, чтобы они погибли в безводном Техасе при содействии социалистов. Все эти разговоры о ходоках — пустые слова, т.к. ходоки всегда ездят и ничего не устраивают. Вообще нет такого человека в этом деле, на которого можно было бы положиться. У всех прежде всего собственная заинтересованность»⁹³.

Еще более отрицательное мнение о Ф.С. Мансветове и его проекте высказывает Н.С. Калашников: «Ф.С. Мансветов, по моему мнению, является замечательным учеником В.М. Чернова. Он унаследовал от него все отрицательные качества: хитрость, политическое интриганство, малую разборчивость в достижении своих целей и чудовищное самомнение. Он, вне всяких сомнений, очень энергичный человек, но у него нет умения к серьезному деловому и общественному разрешению крупных практических задач. Он подкупает внешней простотой... ведь они обещали поставить в этом году 16 тыс. семейств, а это значит по меньшей мере 50 тыс. чел.

⁹³ Письмо к М.И. Кляверу // ГАРФ. Ф. 6065. Оп. 1. Д. 56. Л. 1–38.

От землевладельцев получал В.М. Чернов, получал Мансветов, и почему нельзя получить деньги на “благое” дело Колонизационному Тресту?»⁹⁴.

Вместе с тем было немало людей, которые отзывались о Ф.С. Мансветове как о глубоко порядочном человеке. Так, возражая Сергею Порфирьевичу Постникову, М.И. Клявер писал о проекте Мансветова следующее: «...я не разделяю Вашего предубеждения против этого предприятия, хотя и не питаю полной уверенности в его успехе... я не выступаю пока на широкую публичную арену с этим делом, как по соображениям местным, так и из осторожности, пока не ощутили мы под собой твердой почвы. ...В прошлом попытки переселения в Аргентину, Бразилию кончились очень трагично для переселяющихся. Осторожность вполне основательная. Но какое касательство она имеет к Амер[икано]-Слав[янскому] Тресту. Именно здесь должно быть наоборот. Применяя в этом деле добрые старые кооперативные традиции, привлекая к этому предприятию наивозможно широкие общественные круги, я не думаю, чтобы и Мансветов и Байкалов и многие другие, такие же русские общественники, стремились куда-то закабалить русских переселенцев... Я хорошо знаю Федора Северьяновича, знаю, что он увлекающийся человек. Но также знаю, что человек это очень изобретательный и очень инициативный. Ему не хватает только дяляческой смекалки кулака. Осведомлен, что в смысле коммерческом результаты его работы в “Пламени” были недостаточно хороши... До того момента, как Федор Северьянович уехал с Востока, он совершенно ЗАКОННО имел репутацию совершенно безупречного общественника, хорошего специалиста, преданного до бесконечности партийца, прекрасного товарища и ничем не запятнанного человека. Как общественный деятель он занимал достаточно ответственные должности и исполнял очень солидные функ-

⁹⁴ Письмо к Ивану Александровичу // Там же.

ции, чтобы, основываясь на этом, я мог на него положиться. ...Его прошлый общественный облик никак не похож на ту картину корыстности и личной нечистоплотности, какую рисуете Вы.

Вы пишете о солидных окладах сотрудников Треста. В этом ничего плохого нет. Но мне пишут и Иоффе Борис, и Беккаревич из Америки, работающие в Тресте, что до этого времени положенного жалованья не получили, т.к. дело еще в процессе организации и денег свободных нет... Здесь в Китае ни я, ни кто-либо не получили ни одного сантима от Треста»⁹⁵.

Доверительное отношение к Ф.С. Мансветову сохраняется и у И.А. Якушева. В письме к Н.С. Калашникову, главному недоброжелателю Мансветова, он объясняет неуспехи Колонизационного треста недостаточностью финансового обеспечения: «...последнее письмо Ваше с большой информацией об акции Ф.С. Мансветова получил, и, должен сознаться, оно произвело на меня тяжкое впечатление. Ваши мотивы отказа от работы в Тресте я узнал впервые из этого письма, т.к. предыдущего письма я не получил. Сейчас, кажется, положение Треста таково, что можно думать, что эта колонизационная акция кончена. Это, впрочем, наши догадки, т.к. от Ф.С. Мансветова я уже месяца полтора-два ничего не имею... Слушок, неизвестно откуда появившийся, утверждает, что “финансисты” отказались финансировать Трест. ...Пожалуйста, напишите все новости, связанные с положением Треста и Мансветова...»⁹⁶.

В какой-то момент поиск денег приобретает лихорадочный характер. Федор Северианович обращается за помощью к любой эмигрантской организации, любому фонду, хоть как-то заинтересованному в помощи соотечественникам. Так, он сообщает И.А. Якушеву о контактах с Н.К. Рерихом: «...мы

⁹⁵ Письмо к С.П. Постникову // Там же.

⁹⁶ ГАРФ. Ф. Р-5871. Оп. 1. Д. 128. С. 152.

втянули в работу музей Рериха (огромное учреждение, почти в 30 этажей), самого Н. К. Рериха, каковой согласился встать во главе организуемого нами Русско-Американского Общества Друзей Русской Культуры, кооперации и спорта. Он активно предоставил нам все свои широчайшие американские и мировые связи» (письмо от 3 апреля 1930 г.)⁹⁷.

Впрочем, создатель «Живой этики» не торопился с участием в проекте переселения. В его архиве сохранились два письма к М. А. Таубе, из которых видно, что в 1933 году он все еще сомневается в добросовестности Мансветова. Так, в письме от 23 августа 1933 года Н. К. Рерих пишет: «Кстати, напишите мне, пожалуйста, Ваше мнение о г-не Мансветове, с которым у Вас была переписка. Дело в том, что мне пришлось услышать о нем два диаметрально противоположных отзыва, и потому, случайно узнав о Вашей переписке, мне было бы полезно узнать о нем Ваше мнение»⁹⁸.

В письме Н. К. Рериха тому же М. А. Таубе от 20 сентября 1933 года имя Мансветова упоминается в еще более интересном контексте: «Очень интересно, что Вы не знаете г-на Мансветова, находящегося в Нью-Йорке. Мне известно, что он говорил одному лицу о получении писем от Вас и о поручении ему Вами продажи какого-то китайско-тибетского талисмана. Конечно, все это звучит несколько фантастически, но и такие факты подлежат расследованию, ибо, как я вижу из Вашего письма, где-то неосновательно употребляется Ваше имя...»⁹⁹.

1931 год был для Федора Севериановича омрачен большими неприятностями. Правление «Славянской взаимности» решительно требовало его возвращения в Прагу. В письме Мансветову от 29 апреля 1931 года говорится:

⁹⁷ ГАРФ. Ф. Р-5871. Оп. 1. Д. 128. С. 9.

⁹⁸ Знамя мира: Сборник. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Междунар. Центр Рерихов, 2005. С. 251.

⁹⁹ Там же. С. 256.

«Многоуважаемый Федор Северьянович!

Правление в заседании своем 18 апреля с/г постановило:

1). Настаивать на возвращении Председателя Правления в Прагу для фактического руководства делами Заложны.

2). Считать в отношении Заложны нецелесообразным дальнейшее пребывание Председателя Правления в Америке.

3). Сообщить Председателю Правления, что Заложна не может выслать ему денег на дорогу, как ввиду тяжелого материального положения Заложны, так и потому, что согласно условиям, на которых была разрешена командировка Председателя, Заложна не должна нести в связи с ней никаких расходов.

Далее Правление позволяет себе сообщить Вам, что ввиду запоздания Вашего ответа вызов Вас к общему собранию уже не имел смысла, т.к. Вы все равно не успели бы приехать. В связи с фактом Вашего длительного отсутствия и Вашим Заявлением о намерении продолжить Ваше пребывание в Америке, без указания срока Вашего возвращения, Правление вынуждено было обсудить вопрос о Вашем замещении»¹⁰⁰.

Однако Федор Северианович не торопится возвратиться в Европу, и правление «Славянской взаимности» напоминает своему бывшему председателю о необходимости уладить денежные расчеты. В ноябре 1931 года из Праги в Нью-Йорк отправляется новое послание: «...это обстоятельство обязывает нас обратить Ваше внимание на совершенно ненормальное положение вопроса с Вашей личной задолженностью Заложне, достигающей с процентами на 31 декабря 1931 года суммы 14 124,30 чехословацких крон. Эта задолженность не только Вами не погашается, а даже не покрыта надлежащим образом Вашими векселями. Такое положение противоречит не только формальным требованиям, но (надеемся,

¹⁰⁰ ГАРФ. Ф. Р-5791. Оп. 1. Д. 66. С. 18.

согласитесь с нами) и требованиям общественной морали, особенно в отношении лица, являющегося основоположником учреждения и многолетним его руководителем»¹⁰¹.

На это напоминание пытающийся сохранить достоинство Ф. С. Мансветов отвечает 15 декабря 1931 года следующее: «...моя задолженность сильно меня беспокоит, и только исключительно тяжелое материальное положение, в которое я попал, не дало мне физической возможности урегулировать мой долг. Америка переживает ужасный кризис. С осени этого года я перешел на физическую работу (маллярное ремесло) с добавлением ночной работы... в гаражах. К сожалению, обе работы не регулярны и я никак не могу полностью оправиться. Однако постепенно мое положение улучшается и появляется надежда на кредит.

Я имею полное основание Вас заверить, что в январе 1932 г. я смогу Вам выслать требуемый Вами минимум платежа. В течение же первого полугодия будущего года мне, без сомнения, удастся заключить заем здесь и, следовательно, покрыть мои долги в Праге, переведя их сюда.

...Прошу еще раз принять мои уверения, что только исключительно тяжелое положение, в которое попал я и моя семья, задержало мои платежи и что все счета мои будут оплачены при первой возможности, и я имею все основания полагать, что это случится в первой половине 1932 г.

...Жена моя также работает (прислугой и сестрой милосердия), но не регулярно, следовательно, ее работа имеет меньшее значение»¹⁰².

Однако не только в январе, но и в течение всего 1932 года выплатить долги Федор Северианович не может. Последнее обращенное к нему письмо «Славянской взаимности» датировано 29 декабря 1932 года: «Милостивый Государь Федор Северьянович.

¹⁰¹ ГАРФ. Ф. Р-5791. Оп. 1. Д. 66. С. 12.

¹⁰² Там же. С. 11.

Письмом от 15 декабря 1931 года Вы обещали Заложне приступить в начале текущего 1932 года к погашению Вашего долга Заложне, о котором мы писали Вам от 12 ноября 1931 г. На 31 декабря 1932 года, считая с процентами и расходами, он выражается в следующих суммах: а/по личному кредиту — 15.660 кч и по квартирному кредиту — 11.550 кч /из 3¹/₂ процентов/, а всего — 27.210 кч.

Наша Заложна в настоящее время ликвидируется. Мы просим Вас немедленно приступить к погашению Вашего вышеприведенного долга. Причем считаем необходимым предупредить Вас, что если в течение месячного срока от сего числа от Вас не последует платежей, Ваши векселя пойдут в протест и будут переданы адвокату для судебного взыскания с Вас всего долга.

С совершенным почтением

В. Васильев

И. Якушев...»¹⁰³.

Последняя отчаянная попытка «Славянской взаимности» получить долг относится к началу 1933 года. На этот раз пражский банк пытается использовать дипломатические каналы. В Генеральное консульство Чехословацкой Республики в Нью-Йорке отправляется просьба о содействии во взыскании долга: «...Заложна “Славянская Взаимность” находится ныне в весьма тяжелом финансовом положении в результате печальной деятельности в прежние годы.

Нынешней ликвидационной комиссии Заложны казалось, что никто другой, как именно г.Ф. Мансветов, бывший председатель ее, обязан был бы не только с точки зрения формальной, но и общественной быть особо исправным в отношении своих денежных обязательств к Заложне. К сожалению, однако, этого не случилось: г. Ф. Мансветов упорно уклоняется от уплаты Заложне своего огромного долга, несмотря на неоднократные просьбы ее.

¹⁰³ Там же. С. 9.

По сведениям Заложны, г. Ф. Мансветов в данное время служит в Нью-Йоркском Отделении Хуверовской Военной Библиотеки и имеет Нансеновский паспорт, выданный Чехословацкой Республикой, и мы думаем, что Министерство Иностраных дел могло бы ради справедливости оказать Заложне содействие в ее претензиях к г. Ф. Мансветову путем соответствующего сношения с г. Генеральным Консулом в Нью-Йорке»¹⁰⁴.

После краха «Американского Славянского Колонизационного Треста» деятельность Ф. С. Мансветова приобретает более спокойный характер. Он навсегда отказывается от каких-либо коммерческих проектов и сосредотачивается на работе по сбору и сохранению документов революции и Гражданской войны. В январе 1932 года он принимает участие в организационном заседании «Архива революции», на котором присутствовал один из основателей эсеровской партии Х. О. Житловский¹⁰⁵. В работе для Архива Гуверовского института войны, мира и революции Мансветов сотрудничает с известным собирателем документов по истории российского общественного движения Борисом Ивановичем Николаевским.

Сохранилась переписка Б. И. Николаевского с В. М. Черновым по поводу продажи эсеровских документов Гуверовскому архиву, в которой оба дают характеристику своему деловому партнеру.

Так, например, в письме Б. И. Николаевскому (февраль 1933 г., Прага) Чернов говорит о деловой хватке Мансветова, которая у него стоит выше всех партийных интересов.

«Мансветов, конечно, человек партийный, — пишет Чернов, — и даже не в том формальном, по существу проблематическом смысле, в каком “партийно” большинство [э]с[е]р[ов]-эмигрантов... а и по существу занимаемых им

¹⁰⁴ ГАРФ. Ф. Р-5791. Оп. 1. Д. 66. С. 7.

¹⁰⁵ См.: ГАРФ. Ф. Р-5847. Оп. 2. Д. 114. Л. 56.

политических позиций. Но, во-первых, Вы правы в определении его чисто-персонального уклона в области “деловой”, во-вторых, я бы к этому присоединил большую способность к денежному нажиму. Все такие деловики — пусть “для успеха дела” — очень и очень умеют неделовых идеологов класть под пресс. ...Русские в Америке обамериканиваются очень быстро: чей хлеб-соль кушаю, того и песенки пою. Мансветов — главный агент Гуверовки по скупке наших документов, архивов, мемуаров. Чем дешевле он все это покупает, тем более сам он — дорогой человек для его патронов. ...Коммерсант он хороший, может быть, слишком хороший для тех, у кого покупает»¹⁰⁶.

В ответном письме (14 февраля 1933 г., Берлин) Николаевский благодарит Чернова за характеристику Мансветова, соглашаясь с высокой оценкой его деловых качеств: «...с таким человеком я даже более охотно буду вести дела, чем с типичным русским интеллигентом, который тем меньше бывает склонен считаться с чужими интересами, чем более идеалистического он представления о своих собственных. ...Я заинтересован в другом: в том, чтобы эти сношения установились прочно и на долгое время»¹⁰⁷.

В 1934 году Федор Северианович начал сотрудничать с солидным американским журналом «Foreign Affairs». Необходимость в заработке заставляет его давать частные уроки и читать платные лекции по дальневосточным проблемам¹⁰⁸.

В эти годы продолжается его переписка с В. М. Черновым, которому он помогает в издании английского перевода его книги «Великая русская революция». Об этом Чернов также сообщает Б.И. Николаевскому: «Я предлагал Гуверовке

---

¹⁰⁶ «Мы, русские,— другие, мы созданы для испытаний». Письма В.М. Чернова. 1920–1941 / Под ред. проф. И.Р. Плева. Саратов, 2014. С. 174–176.

¹⁰⁷ Там же. С. 177.

¹⁰⁸ См.: ГАРФ. Ф. Р-837. Оп. 2. Д. 11. Л. 2–4.

через Мансветова целый большой план исследования «борьбы общественных сил в России», в котором фигурирует не только история народничества, но и история с[оциал]-д[емократ]ии в двух параллельных ветвях — большевизма и меньшевизма»¹⁰⁹.

Во время Второй мировой войны Ф. С. Мансветов занимает последовательную антифашистскую позицию. Однако великая победа не делает его сторонником Сталина; в послевоенные годы он продолжает критику коммунистической диктатуры в России.

Среди статей, опубликованных в различных американских изданиях, особенно интересны следующие: «Стратегическая Монголия» (ASIA, апрель-май 1945 г.), «Царская и советская политика на Дальнем Востоке» (Foreign Affairs, июль, октябрь 1934 г.), «Танну-Тува — Советский атомный город?» (The Russian Review, 1947 г.).

В октябре 1948 года Ф. С. Мансветов дал интервью в Нью-Йорке радиостанции WWRL в программе «Лидеры в изгнании».

После окончания войны он переезжает из Нью-Йорка в Вашингтон, работает преподавателем русского языка в Министерстве обороны США.

Известный американский профессор-славист Елена Якобсон вспоминает, что в 1956 году не по возрасту энергичный Ф. М. Мансветов принимал участие в открытии в Вашингтоне отделения Американской ассоциации преподавателей славянских и восточноевропейских языков¹¹⁰.

В июне 1965 года, не дожив года до своего восьмидесятилетия, умирает «дочка Ленина» Софья Амвросьевна Мансветова-Трушковская.

В ноябре 1967 года завершается жизнь Федора Севериановича Мансветова.

¹⁰⁹ «Мы, русские — другие, мы созданы для испытаний». С. 176.

¹¹⁰ См.: Якобсон Е. А. Пересекая границы. Революционная Россия — Китай — Америка. М., 2007. С. 81.

Старший сын

Интересна судьба приемного сына Ф.С. Мансветова Владимира, ставшего видным поэтом, литературным критиком и журналистом. Родившийся 10 мая (27 апреля) 1909 года в Енисейске, Владимир Мансветов в 1922 году вместе с родителями прибыл в Прагу. Здесь в 1929 году он окончил Русскую реальную гимназию, был принят в члены русского литературного объединения «Скит», во второй половине 30-х годов — в члены Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии. Печатался в чешских газетах, в варшавском еженедельнике «Меч», в югославской и болгарской периодике. Был соредактором четвертого выпуска сборника «Скит» (1937). В июне 1938 года женился на внучке писателя Льва Толстого Марии Андреевне Толстой¹¹¹ (в первом браке — Ваулиной). В том же году получил степень доктора философии в Карловом университете. В 1940 году вместе с женой уехал в США, но вскоре после переезда в Америку брак В. Мансветова с М.А. Толстой распался.

Интересные воспоминания о молодом Владимире Мансветове оставила дочь бессменного руководителя «Скита поэтов» Альфреда Бема Татьяна Бем-Рейзер: «Из членов “Скита” помню Владимира Мансветова, талантливейшего и на редкость в то время никчемного молодого человека. Был он настоящим богемой, никогда нигде не работал, был невероятно ленивым. Жил то у одного, то у другого знакомого, то там, то тут одалживал деньги, любил выпить, когда было на что. Был он высокий, худой, но какой-то бескостный, как будто хребта в нем не было, весь расхлябанный и гибкий. Носил длинные волосы, которые всегда нуждались в головнойке и сползали длинными жирными прядями вдоль ввалившихся щек. Да и расстался он с Прагой как раз так,

---

¹¹¹ Сестра первой жены В.Ф. Мансветова Софья Андреевна Толстая была замужем за поэтом Сергеем Есениным. Выйдя замуж за В.Ф. Мансветова и уехав с ним в Америку, М.А. Толстая оставила десятилетнюю дочь Татьяну на попечение первого мужа Александра Ваулина.

как и следовало от него ожидать. Сначала поселился к своему другу, музыканту, жил у него на полном содержании, а потом сбежал с его женой в Америку. Не знаю, где он сейчас и вышло ли что-нибудь из него, знаю только, что у него были истинные задатки стать настоящим поэтом, русским мини-Верленом или Франсуа Вийоном. Как он посеял свой талант, не знаю, попало ли зерно в землю или на каменистую почву?»¹¹².

В США Владимир Мансветов много печатался в газетах «Рассвет», «Русская жизнь», «Новое время»; в 1940–1943 годах был сотрудником газеты «Новое Русское слово». В 1943 году в Нью-Йорке с его вступлением вышел небольшой сборник «Молодые поэты советской России: русская поэзия 1940–1942 годов». В сборнике были представлены известные поэты — Твардовский, Симонов, Сурков, Исаковский; составитель особенно выделил Маргариту Алигер и Дмитрия Кедрина. В стихах молодых Мансветов отмечал отсутствие «любых» социально-политических тем. «Они заглушены сейчас самой основной, самой кровной темой, — темой родины»¹¹³.

В 1944–1945 годах занимался редактированием русских текстов в Пентагоне. В 1945 году получил американское гражданство. С 16 февраля 1947 года (со дня начала работы русского отдела радиостанции «Голос Америки») Мансветов — сотрудник этого отдела сначала как автор и комментатор, затем — как редактор, а с 1958 года и до своей кончины заведовал секцией культуры. Совершал многократные поездки по США в качестве корреспондента «Голоса Америки», сопровождал советские делегации, в том числе делегацию во главе с Хрущевым. В 1966 году в составе официальной американской делегации посетил СССР.

¹¹² Бем-Рейзер Т. Украденное счастье. Воспоминания // Новый журнал. 2008. № 251.

¹¹³ Цит. по: Легкая И. Знакомый голос. «Голос Америки». 1960–1980 годы // Новый журнал. 2015. № 280.

По воспоминаниям многолетней сотрудницы «Голоса Америки» Людмилы Флам: «Моим начальником был заведующий культурным отделом русской службы “Голоса Америки”, поэт и литературовед Владимир Федорович Мансветов. Редкий эрудит, обладавший прекрасным вкусом, тонкий ценитель искусства, человек широких, подлинно демократических взглядов. К сожалению, не прошло и года, как Мансветов скоропостижно скончался от рака. Отдел тогда перешел в мои руки».

Очень тепло отзывается о Владимире Мансветове его коллега по русской редакции «Голоса Америки» Александр Френкель: «Володя Мансветов пришел на работу в Службу вскоре после Виктора Французова, так же как и я, сначала по договору, затем по контракту с почасовой оплатой, потом стал журналистом и в итоге редактором. На мой взгляд, и по сей день никому не удастся делать такие прекрасные передачи для Российского вещания, как это делал Владимир Мансветов. Его стиль, его способность передать сущность коротко и красивым русским языком были потрясающими. В качестве редактора он никогда не пытался вставлять свой текст в текст журналиста. Он только делал журналисту замечания, уважая его индивидуальность. И постепенно рос на этой работе, принесся при этом в жертву свою главную любовь — русскую литературу и поэзию. Со временем он перестал писать стихи и прозу на русском языке. Он очень хорошо разбирался в русской литературе, несомненно, он был большим специалистом в этой области. Но на удивление он прекрасно знал и американскую литературу и блестяще писал об этом. Его больше интересовали литературные и художественные аспекты, но при необходимости он становился редактором или даже автором политических комментариев. И делал он это блестяще, хотя и без большой охоты»¹¹⁴.

---

¹¹⁴ Alexander Frenkley. Interviewed by: Cliff Groce Initial interview date: August 5, 1988. URL: <http://adst.org/OH%20TOCs/Frenkley,%20Alexander%20toc.pdf>

В 1950 году Владимир Мансветов женился на Юлии Хатчинсон, американке русского происхождения.

Юлия родилась в Москве 4 марта 1910 года. Ее отец был командирован в Америку, где его застала революция 1917 года. Вернуться в Россию он не захотел, но смог добиться воссоединения с семьей.

Семья обосновалась в Нью-Йорке, где Юлия окончила школу и знаменитый женский Барнардский колледж. Она избрала профессию актрисы, успешно выступала на нью-йоркской сцене, снималась в фильмах и много гастролировала.

В Нью-Йорке, где тогда находился «Голос Америки», Юлия познакомилась с Владимиром Мансветовым, который заведовал культурным отделом Русской редакции. Они поженились и в 1954 году переехали в Вашингтон, когда «Голос Америки» перевели в столицу. Русский язык, на котором говорили дома, был родным языком Юлии, а английский стал ее вторым родным языком, поскольку в Америку ее привезли младенцем.

По воспоминаниям сотрудников «Голоса Америки», где Юлия Мансветова работала переводчиком и референтом, она была очень добрым, отзывчивым и весьма интеллектуальным человеком. С ней можно было говорить на любые темы.

Владимир Федорович Мансветов скончался 27 апреля 1974 года в Вашингтоне. Юлия смогла перевезти его тело в Европу и похоронить на Ольшанском кладбище в Праге.

В 1990 году Юлия Мансветова вышла на пенсию и остаток жизни провела в небольшой уютной деревушке штата Мэриленд, примыкающего к Вашингтону. Скончалась она 14 сентября 2005 года в возрасте 95 лет.

Единственный сын В.Ф. Мансветова умер в младенчестве еще в Праге. Дочь от второго брака Анна Кефавувер-Мансветова, родившаяся в 1956 году в Америке, скончалась от рака в пятидесятилетнем возрасте. Ее сын Александр Кефавувер проживает в США.

Любовь к России, которая всегда была на первом месте в семье Владимира и Юлии Мансветовых, передалась их дочери. Анна Владимировна Мансветова поступает на факультет русского языка в Джорджтаунском университете, однако через год переходит на факультет фортепьяно в одной из самых престижных консерваторий США — Консерватории Пибоди (Балтимор). В 1979 году Анна выходит замуж за американца французского происхождения, музыканта Алана Кефавувера, руководившего в Консерватории Пибоди студией звукозаписи. Живой, открытый характер Анны Кефавувер позволил ей в течение тринадцати лет занимать пост помощника директора консерватории по связям с общественностью. Будучи помощником редактора газеты «The Johns Hopkins Peabody News», Анна Кефавувер-Мансветова брала интервью у известных музыкантов и художников. Особенно интересным было трехчасовое интервью с композитором Филиппом Глассом.

Двенадцать последних лет своей жизни Анна боролась с болезнью. Этот скорбный опыт она описала в книге «Сад из волос и другие эссе». В главном очерке повествуется о том, как ее сын, которому тогда было всего три года, вырвал прядь своих темных вьющихся волос и предложил ей «посадить их на голове», когда после курса химиотерапии она на время лишилась всех волос. Она писала: «Это награда за боли; не выживание, которое уродливо и беспощадно, а причастность к чему-то высшему, когда внезапно, словно бы из темноты, появляются белые цветы и эти темные, причудливые завитки, как залог любви к тебе».

О братьях Владимира Мансветова известно немного. Лев Федорович остался в Чехословакии. Жил в той ее части, которая называлась Закарпатская Русь и после Второй мировой войны отошла к СССР. Сейчас это Ужгородская область Украины. Лев Федорович был полиглотом, знал двенадцать языков, преподавал в Пряшевском и Ужгородском университетах.

Как и старший брат, имел склонность к занятиям литературой, писал под псевдонимом Лев Бездомный, редактировал газету «Закарпатская правда». Во время оккупации Чехословакии был арестован нацистами, содержался в будапештской тюрьме, а затем был сослан в Кенигсберг. Вместе с ним в ссылку уехала его жена Маргарита Цимберкович с сыном Тарасом. В ссылке родилась дочь Ольга. Третий ребенок в семье, сын Владимир, родился после окончания войны.

Лев Федорович Мансветов поддерживал связь с семьей брата Глеба, проживавшего в США. В 1960-е годы он стал подвергаться преследованиям со стороны КГБ и даже был исключен из партии. Связь между двумя семьями прервалась. Лев Федорович Мансветов умер в Ужгороде в 1970 или 1971 году. В настоящее время в Ужгороде проживает его дочь Ольга и внук Юрий Тарасович Мансветов. Сестра (двойняшка) Юрия Ольга живет в Бристоле (Великобритания).

Глеб Федорович Мансветов в тринадцатилетнем возрасте был увезен родителями в США. Он вполне натурализовался в Америке, изменив свою фамилию на Мэнстон (Manston). Скончался в Лос-Анджелесе 7 июня 1978 года в возрасте 61 года. Его жена Агнес Мэнстон умерла в 2006 году в возрасте 86 лет. Их сын Питер Мэнстон живет в США, занимается недвижимостью.

Приемный сын Федора Севериановича Викторин прибыл в Америку после окончания Второй мировой войны в 1946 году. В новом отечестве он стал называться Виктором. Скончался в возрасте 76 лет 19 января 1981 года.

Протоиерей Севериан Мансветов всю жизнь прослужил на одном приходе. Мог ли подумать скончавшийся в 1915 году сельский священник Саратовской губернии, что его потомки окажутся за океаном, а в родном селе не останется даже следов храма, где он служил.